

МИР
КУБА

18+

АНТОН Гаврев

Мир Куба

«Автор»

2026

Гаврев А.

Мир Куба / А. Гаврев — «Автор», 2026

Психолог Анастасия Лужайкина привыкла замечать, что люди прячут за правильными словами. На открытой лекции о природе зла она задает профессору один вопрос: зачем ему так важно, чтобы у зла был источник? В тот же вечер он приглашает ее в лабораторию. Научная демонстрация заканчивается исчезновением человека, а уже на следующий день Анастасия начинает видеть то, чего не должно существовать. Потом страх находит ее первым. Она приходит в себя в мире Куба — мире камня, цепей и старого порядка, где жестокость называют необходимостью, а спасение слишком часто оказывается еще одной формой власти. Вернуться домой можно. По крайней мере, так говорят легенды. Но каждый, кто обещает Анастасии выход, сначала пытается решить, кем она должна быть: жертвой, спасаемой, материалом или доказательством чужой правоты. Что страшнее — мир, который хочет тебя сломать, или человек, уверенный, что имеет право тебя спасти?

© Гаврев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лекция о зле	5
Глава 2. После лекции	14
Глава 3. Лаборатория	21
Глава 4. Брешь	38
Глава 5. Правильная формулировка	50
Глава 6. Мир смотрит	59
Глава 7. Человек в переходе	68
Глава 8. Больничный коридор	77
Гл	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Антон Гаврев

Мир Куба

Глава 1. Лекция о зле

Пылинки в луче проектора держались над кафедрой неровной дрожащей стайкой. Экран еще ничего не показывал, только белел в полумраке аудитории, как занавешенное окно, за которым уже стояло что-то слишком яркое. Люди входили тихо, но зал все равно наполнялся шорохом: снимали куртки, ставили у ног сумки, складывали мокрые зонты, доставали телефоны, кашляли в кулак. Каждый приносил с собой немного улицы — холодный воздух с воротника, следы воды на подошвах, запах кофе из бумажного стакана, усталость после рабочего дня, которую пытались спрятать за внимательным лицом.

Анастасия Лужайкина сидела в пятом ряду, ближе к проходу. Отсюда было видно не только кафедру, экран и стол с микрофоном. Было видно, как люди выбирают себе место.

Одни садились впереди, заранее соглашаясь быть умными и вовлеченными. Другие занимали крайние кресла, чтобы в случае разочарования уйти раньше, не объясняя никому свое бегство. Несколько студентов сбились в плотную группу у стены и смеялись вполголоса с той осторожной громкостью, которая должна была показать: они здесь случайно, но, если окажется интересно, они тоже имеют право на серьезность. Мужчина в дорогом пальто положил на колени блокнот так аккуратно, будто собирался записывать не лекцию, а собственную биографию в улучшенной редакции.

Анастасия смотрела на это без раздражения. Скорее с привычной рабочей экономией: кто держит плечи выше, чем нужно; кто улыбается раньше, чем услышал шутку; кто поднимает подбородок каждый раз, когда рядом произносят слово «исследование». В обычной жизни она старалась не делать этого слишком явно. Людям неприятно, когда их видят раньше, чем они успевают предьявить выбранную версию себя.

На ней был темный жакет с плотной, немного грубой фактурой, под ним — простая рубашка без декоративной мягкости. Волосы были собраны в две тяжелые косички-дреды и убраны так, чтобы не мешали, но все равно оставались заметными линиями у шеи. На груди, под расстегнутым верхним слоем, лежал маленький кулон — не дорогая вещь, скорее упрямая. Анастасия поймала его пальцами, проверила, на месте ли, и сразу отпустила. Жест получился слишком интимным для лекционного зала. Она убрала руку на колено и посмотрела на экран.

На экране появилось название:

«Сингулярность зла: архетип, поле или источник?»

Буквы были тонкие, строгие, почти канцелярские. Такие буквы умели делать даже сомнительное похожим на вывод. Анастасия прочитала название один раз, потом второй. На последнем слове взгляд задержался дольше.

У кафедры Виктор Сергеевич Руднев проверял микрофон. Он был не из тех лекторов, которые приходят заранее и все равно начинают суетиться за минуту до выступления. Руднев делал каждое действие с той спокойной точностью, которая не только обслуживает порядок, но и показывает его зрителям. Он поставил бутылку воды справа от ноутбука. Рядом — стакан. Подвинул листы так, чтобы их края совпали. Нажал на пульт. Посмотрел на экран, потом на зал, потом снова на экран, будто проверял не технику, а расстановку сил.

Его пиджак был хорошо сшит, но не кричал ценой. Очки — тонкие, почти незаметные. Седина у висков выглядела не запущенной, а оставленной на своем месте как знак допуска к серьезности. Он не улыбался залу широко. Только чуть смягчал лицо, когда кто-то в первых рядах узнавал его и кивал.

Перед началом к кафедре подошла женщина с папкой, что-то уточнила. Руднев ответил коротко, наклонился к ней, но не настолько, чтобы создать впечатление служебной суеты. Потом взял стакан и налил воду. Струя ударила в дно слишком громко для еще не начавшейся лекции. Несколько человек повернули головы. Руднев поставил бутылку на стол без звука.

Анастасия отметила это отдельно: звук воды был случайным, а вот последующая тишина — уже нет.

Двумя рядами ниже, у прохода, сидел молодой мужчина в черной водолазке под свободной курткой. Телефон он держал вертикально, у груди, не вытягивая руку вперед. Снимал так, будто не снимает. Экран был чуть повернут к нему, и на нем уже горело лицо Руднева, маленькое, аккуратно пойманное в рамку. Мужчина время от времени смотрел не на кафедру, а на то, как кафедра выглядит в телефоне.

Анастасия видела его раньше. Не лично — в коротких роликах, которые ей несколько раз присылали знакомые с припиской: «Ты же психолог, оцени». Максим Ланской. Канал, кажется, назывался «Ланской разбирает». Он умел говорить о сложных вещах так, чтобы человек за тридцать секунд почувствовал: мир чуть умнее, чем казался, и он сам тоже. Иногда это было полезно. Иногда — похоже на нарезку чужого дыхания для удобного употребления.

Ланской наклонился к телефону и почти беззвучно произнес:

— Так. Сегодня у нас зло не как поступок, а как инфраструктура. Посмотрим, не развалится ли под весом формулировок.

Он сказал это не громко, но достаточно, чтобы Анастасия услышала. Она повернула голову. Ланской заметил ее взгляд и улыбнулся быстро, без смущения. Улыбка была легкой, одноразовой, как стаканчик кофе: использовал и сразу в мусор.

Анастасия отвернулась.

Руднев вышел к микрофону не спеша. Шум в зале не исчез сразу; он сначала стал мягче, потом осел по краям, потом вдруг оказался лишним. Руднев не поднял руку, не попросил тишины и не постучал по микрофону. Он просто посмотрел на зал так, как смотрят на уже настроенный прибор.

— Мы привыкли говорить о зле как о выборе, — сказал он.

Голос лег ровно. Не низко, не театрально, без темной бархатной интонации, которой пользуются люди, заранее решившие пугать. Руднев говорил почти буднично. От этого слова в его речи не становились легче. Они становились пригоднее для работы.

— Как о поступке, который можно разобрать через мотив, обстоятельства, травму, среду, биологию, воспитание, идеологию. Это удобная схема. Она гуманна. Иногда даже точна. Но у нее есть одно слабое место.

На экране сменился слайд: несколько схем, стрелки, рядом фотография старого каменного предмета с круглым отверстием. Никаких свечей, черепов, мрачных иллюстраций. Черно-белая фотография, линейка сбоку, подпись мелким шрифтом, номер архива. Вещь выглядела не страшной, а слишком долго бывшей ненужной.

— Эта схема предполагает, что зло каждый раз начинается заново, — продолжил Руднев. — В конкретном человеке. В конкретной семье. В конкретной войне. В конкретном решении. Но что, если мы имеем дело не только с повторением поведения? Что, если повторяется форма?

Зал подтянулся. Не испуганно — внимательнее. Человек в дорогом пальто открыл блокнот. Студентка в первом ряду перестала листать ленту. Ланской плавно поднял телефон на несколько сантиметров.

Руднев щелкнул пультом. На экране появились изображения: орнаменты, фрагменты ритуальных предметов, схемы кругов и линий, старые гравюры с людьми, стоящими вокруг чего-то, что на маленьком изображении было трудно разобрать. Руднев не торопился. Он не подсовывал залу ужас, не раскрашивал его голосом. Он снимал с ужаса украшения. Показывал углы, насечки, повторяющиеся пропорции, одинаковые ритмы.

— В разных культурах, не связанных прямым заимствованием, мы видим сходные структуры. Не сюжеты. Не легенды. Структуры. Повторение формы вокруг страха, вины, наказания, изгнания и очищения. Иногда — вокруг попытки вынести зло из человека наружу. Найти ему место. Имя. Границу.

Анастасия слушала. Ей было интересно, и это раздражало сильнее, чем если бы лекция оказалась пустой. С пустотой легче. Ее можно отвергнуть и не возвращаться к ней внутренне. Руднев же не был шарлатаном. Он не обещал открыть тайну мира за сорок пять минут. Не понижал голос на слове «древние». Не делал вид, что все ученые до него были трусливыми слепцами. Его мысль была собрана, спорна, местами избыточно красива, но не глупа.

И все же в этой красоте что-то было не так.

Когда зал понимал слишком быстро, Руднев добавлял новый термин. Когда терялся, возвращал простую фразу. Когда кто-то начинал шептаться, он замолкал на полуслове, и шепот сам падал вниз. Он не просил внимания. Он ставил его на место.

Анастасия поймала себя на том, что сидит неподвижно. Убрала локоть с подлокотника, поправила край рукава, почувствовала под пальцами плотную ткань жакета. Тело вернулось раньше мысли, как иногда бывало на сложных консультациях: сначала жест, потом понимание, зачем он понадобился.

Руднев говорил о «психофизической конфигурации зла» — осторожно, с оговорками. О том, что человеческие группы не просто описывают угрозу, но строят вокруг нее повторяемые формы. О том, что страх легче переносится, когда у него есть объект. О том, что культура веками создавала сосуды для непереносимого.

— Мы можем спорить, является ли зло моральной категорией, социальным эффектом или метафорой, — сказал он. — Но в материале есть упрямая деталь. Люди снова и снова ведут себя так, будто зло имеет вес. Будто оно может скапливаться. Давить. Заражать пространство. И, что важнее, будто у него есть направление.

Ланской тихо сказал в телефон:

— Зло как гравитация. Хороший заголовок.

Соседка рядом с ним усмехнулась. Ланской не посмотрел на нее. Он смотрел на экран телефона, где лицо Руднева стало чуть холоднее из-за автоматической коррекции света.

Анастасия снова повернулась. На этот раз Ланской не улыбнулся. Он сделал маленький жест пальцем: мол, да, понимаю, слишком эффектно. Но телефон не опустил.

Руднев взял стакан воды. Не потому, что пересохло горло; пауза была нужна. Он сделал один глоток, поставил стакан точно на прежнее место. На столе осталась влажная окружность. Она медленно расплзлась по бумажной салфетке, подложенной под стакан, но Руднев этого не видел.

— Самый неудобный вопрос звучит не так: почему человек делает зло? Этот вопрос важен, но он слишком часто возвращает нас к биографии. К оправданию. К патологии. К условиям. Неудобный вопрос другой: почему разные люди в разные эпохи так упорно пытаются представить зло как нечто внешнее? Как источник, к которому можно приблизиться или от которого можно защититься.

Анастасия чуть наклонила голову.

Слово снова прозвучало. Источник.

Руднев произнес его спокойно, почти технически, но задержался на нем на долю секунды дольше, чем на соседних словах. Зал этого не заметил. Зал смотрел на слайд, где стрелки сходились к темному кругу в центре схемы. Анастасия смотрела на руку Руднева. Большой палец на мгновение прижал край пульта так сильно, что кожа вокруг ногтя побелела.

Она не любила, когда человеческую боль превращали в красивую внешнюю схему. Не потому, что схемы были бесполезны. В ее работе без схем нельзя было даже начать: травма, перенос, защита, зависимость, стыд, выученная беспомощность, повторение. Но схемы стано-

вились опасными, когда в них появлялась гладкость. Когда человек получал возможность сказать: это не я сделал, это структура; не я удерживал, это любовь; не я ломал, это забота; не я контролировал, это порядок.

Руднев говорил о другом. Формально. Научно. С архивами и фотографиями. Но где-то под его речью проходила та же тропинка: если зло можно вынести наружу, его можно искать как предмет. А тот, кто найдет, перестанет быть просто человеком среди других людей. Он станет свидетелем. Открывателем. Тем, кто подошел ближе.

Анастасия потеряла большим пальцем край кулона. Снова поймала себя на этом и убрала руку.

Лекция шла почти час. За это время зал успел устать и снова собраться. Руднев показывал предметы, таблицы, фрагменты текстов, графики частот, фотографии ритуальных помещений. Он ни разу не сказал «доказано». Говорил: «можно предположить», «материал позволяет поставить вопрос», «осторожная гипотеза», «нас интересует не вера, а повторяемость формы». Все правильно. Все аккуратно.

И при этом он слишком точно знал, где зал должен почувствовать холод.

Когда на экране появился последний слайд — черный фон, белые буквы «Вопросы» — в аудитории несколько секунд никто не двигался. Потом обычность вернулась слишком быстро. Кто-то закашлялся. Кто-то потянулся к сумке. В первом ряду поднялась рука.

Первый вопрос был длинным и не вопросом. Мужчина в пальто говорил о свободе воли, о тоталитарных режимах, о том, что современная культура слишком легко снимает ответственность с человека. Руднев слушал вежливо, не перебивая. На середине вопроса взял ручку и положил ее параллельно краю листа. Потом ответил так, что мужчина кивнул, хотя его не совсем услышали.

Второй вопрос задала студентка. Она спросила, можно ли считать зло следствием коллективной травмы. Руднев сказал, что можно, но этого недостаточно. Третий спросил пожилой преподаватель с заднего ряда: не является ли «источник» просто новой метафорой для старой религиозной идеи. Руднев улыбнулся впервые почти тепло.

— Любая сильная метафора переживает тех, кто считал ее всего лишь украшением, — сказал он. — Вопрос в том, когда метафора начинает вести себя как модель.

Ланской поднял руку не сразу. Он дождался, пока микрофон унесут в другую часть зала, потом чуть подался вперед, чтобы его движение заметили. Женщина-организатор с папкой увидела его, кивнула помощнику. Микрофон пошел к проходу.

— Максим Ланской, — сказал он, хотя почти все, кто узнал, уже успели узнать. — Канал «Ланской разбирает». Виктор Сергеевич, если совсем коротко для людей за пределами академической аудитории: мы можем сказать, что зло существует не только как поступок, а как некое поле, которое человек улавливает и воспроизводит?

Он сказал «совсем коротко» с идеальной вежливостью. Как будто не сжимал чужую лекцию до фразы, которую потом удобно поставить на обложку ролика.

Руднев посмотрел на него поверх очков. Раздражение появилось и исчезло. Вместо него осталось выражение человека, который не любит упрощений, но понимает стоимость хорошей цитаты.

— Я бы сказал осторожнее, — произнес он. — Мы можем предположить, что человек не только совершает зло, но и входит в конфигурации, которые старше его личного решения. Поле — слово опасное. Оно красиво звучит и плохо работает без строгого определения.

— Но звучит хорошо, — сказал Ланской.

В зале засмеялись. Не громко. Руднев тоже чуть улыбнулся, позволив смеху быть не против него, а рядом с ним.

— Хорошо звучащие слова чаще всего нуждаются в присмотре, — сказал он.

Ланской кивнул, будто получил именно то, что хотел. Телефон у него все еще снимал. Камера поймала Руднева, зал, собственный вопрос Ланского и его короткую улыбку после ответа. Событие уже становилось материалом, хотя еще не закончилось.

Анастасия смотрела на телефон. Не на Ланского — на маленький темный кружок камеры. Ей вдруг стало неприятно, как легко объектив делает всех равными: профессора, зал, вопрос, паузу, чужую неуверенность. Все туда помещалось. Все можно было потом отрезать, приблизить, подписать, пустить в движение.

Анастасия сама не поняла, когда подняла руку. Не высоко — только оторвала ладонь от подлокотника, не для вопроса, скорее чтобы оборвать собственную мысль, — и тут же собиралась опустить.

Женщина с папкой заметила это движение. Через несколько секунд микрофон оказался рядом. Помощница смотрела вопросительно.

Анастасия сначала хотела покачать головой. Ее вопрос еще не был сформулирован полностью; он лежал где-то под ребрами, не как мысль, а как маленькое жесткое место.

Она взяла микрофон.

Руднев повернулся к ней не сразу. Он еще смотрел на Ланского, точнее — на то место, где осталась легкая волна смеха. Потом перевел взгляд на Анастасию. Взгляд был внимательным, но не личным. Так смотрят на следующую задачу.

— Анастасия Лужайкина, — сказала она. — Психолог.

Ланской чуть заметно повернул телефон. Не полностью. Пока только проверил угол.

Анастасия услышала собственное имя в динамиках. Оно прозвучало суше, чем она ожидала. Как фамилия в списке приема.

— Вы несколько раз использовали слово «источник», — сказала она. — Я понимаю, почему оно удобно для модели. Мне интересно не где он может находиться.

Руднев положил пульт на стол.

— А что именно?

Анастасия посмотрела на стакан воды. Влажный круг на салфетке стал шире. Бумага у края чуть поднялась волной.

— Зачем вам важно, чтобы он был.

В зале стало тихо. Не испуганно и не торжественно. Просто все мелкие звуки сделали шаг назад. Кто-то в заднем ряду перестал застегивать молнию на сумке. Женщина с папкой посмотрела на Руднева слишком быстро и тут же отвела глаза. Ланской уже повернул телефон к Анастасии. Медленно, почти бережно, как зеркало к свету.

Она увидела черный кружок камеры и на секунду забыла, что хотела добавить. Не от страха. От злости. Ее лицо уже куда-то уносили без нее, в маленькую будущую рамку, где вопрос можно будет подписать: «Психолог поставила профессора в тупик». Или наоборот: «Профессор красиво ответил на провокацию». Как удобнее пойдет.

Руднев снял очки. До этого они ему почти не мешали. Он достал из внутреннего кармана мягкую салфетку, протер одно стекло, потом второе. Не торопился. Зал ждал. Анастасия держала микрофон обеими руками и чувствовала, что одна рука сжала корпус слишком сильно.

— Любое исследование начинается с желания, — сказал Руднев наконец.

Голос не изменился. Это было даже хуже. Если бы он раздражился, стало бы проще.

— Человек подходит к материалу не пустым. Он приносит свои вопросы, свою биографию, свои страхи, свои надежды на результат. Метод нужен не для того, чтобы уничтожить желание исследователя. Это невозможно. Метод нужен, чтобы дисциплинировать его.

Он сделал паузу. Правильную. Не слишком длинную.

— Если я спрашиваю об источнике, это не значит, что я хочу его найти как вещь в комнате. Это значит, что я проверяю пределы модели. Где заканчивается метафора? Где начинается повторяемый механизм? Где человеческая культура снова и снова строит одну и ту же

форму вокруг того, чего не может вынести? Наука движется не от удобных ответов, Анастасия... — он чуть заметно кивнул ей, будто возвращал имя лично, — а от вопросов, которые нам неприятны.

Ответ был гладкий. На нем не было скола. Он красиво включил ее вопрос в свою систему и поставил сверху аккуратную крышку. Несколько человек кивнули. Мужчина в пальто записал что-то в блокнот. Ланской еще держал телефон между ними, не выбирая сторону, потому что обе стороны были полезны.

Анастасия могла бы уточнить. Сказать, что он ответил не на то. Что она спрашивала не о методе, а о потребности. Что между «проверить модель» и «хотеть, чтобы модель оказалась правдой» есть маленькое расстояние, на котором человек чаще всего и спотыкается. Но она почувствовала, что следующая фраза прозвучит уже слишком личной. Не точной, а желающей попасть.

Она кивнула и вернула микрофон.

Руднев посмотрел не на нее, а чуть левее — туда, где сидел зал. Ответ ушел мимо аккуратно, не задев мебели.

Вопросы продолжились, но уже иначе. Анастасия слушала вполуха. Кто-то спрашивал про серийных убийц. Кто-то — про религиозные практики очищения. Кто-то пытался осторожно подвести Руднева к тому, что зло все-таки существует как самостоятельная сила, и в этом «все-таки» было столько детского желания, что Анастасии стало неловко за незнакомого человека. Руднев отвечал спокойно, возвращая разговор в безопасную область терминов, но после ее вопроса что-то в нем стало чуть жестче. Не хуже. Ровнее.

Он больше не брал стакан.

Вода стояла рядом, прозрачная, с маленькими пузырьками у стекла. На поверхности отражался белый прямоугольник экрана. Иногда, когда Руднев двигался, отражение ломалось и собиралось снова.

Лекция закончилась без эффектной финальной фразы. Руднев поблагодарил зал, организаторов, коллег, сказал, что часть материалов будет опубликована позже. Люди зааплодировали. Аплодисменты были долгими, но не бурными: благодарность образованных людей, которым дали почувствовать, что вечер после работы был потрачен не зря.

Проектор погас.

Белый прямоугольник исчез так быстро, что стена за кафедрой на мгновение показалась обнаженной. Без света она была плоской, казенной, с неровной краской и тонкой трещиной у потолка. Пока экран светился, стена притворялась окном. Теперь оказалась просто стеной.

Анастасия смотрела на трещину дольше, чем нужно. Она шла почти горизонтально, едва заметно отклоняясь вниз, как если бы кто-то очень давно надавил на здание пальцем, а потом убрал руку.

Люди начали вставать. Шорох вернулся сразу и с избытком. Куртки, молнии, голоса, неловкие проходы между рядами, просьбы пропустить, чей-то смех, чье-то «очень интересно, но спорно». Серьезные слова, еще минуту назад висевшие в воздухе, быстро растворялись в бытовом движении.

Ланской встал одним из первых. Он опустил телефон, проверил запись, провел пальцем по экрану. На его лице не было восторга. Скорее расчет: где начало, где кусок Руднева, где вопрос женщины из пятого ряда, где его собственная реплика. Он поднял глаза и поймал взгляд Анастасии.

На этот раз он не улыбнулся сразу. Сначала посмотрел внимательнее, как будто решал, стоит ли подходить сейчас или лучше сохранить ее как фрагмент для потом. Потом все-таки улыбнулся — мягче, почти по-человечески.

Анастасия взяла сумку. Не торопясь. Она не хотела выглядеть так, будто уходит от него. И не хотела оставаться ради того, чтобы это доказать.

У кафедры уже образовалась очередь. Люди подходили к Рудневу с вопросами, благодарностями, короткими признаниями, которые звучали как вопросы только из вежливости. Руднев слушал каждого ровно столько, сколько требовалось, чтобы человек почувствовал себя услышанным, но не успел занять пространство. Он снова надел очки. Взял стакан. На этот раз сделал глоток быстро.

Женщина с папкой убирала микрофоны. На столе рядом с ноутбуком лежал пульт, листы, салфетка с расплзшимся влажным пятном. Край одного листа слегка повело от воды. Руднев заметил это, когда очередной слушатель отошел. Он убрал лист в сторону и положил сверху другой, сухой.

Анастасия спустилась на ряд ниже, потом остановилась у прохода. Ей не нужно было подходить к Рудневу. Вопрос уже был задан. Ответ получен. Формально разговор закончен.

Но трещина на стене все еще держалась в голове. Не как знак. Просто как вещь, которую увидела и теперь не могла развидеть.

— Сильный вопрос, — сказал Ланской рядом.

Он подошел сбоку, не перекрывая ей проход. Телефон уже был убран, но неглубоко — в руке, экраном к ладони. Так человек держит предмет, который в любой момент может снова стать нужным.

— Не уверена, что сильный, — сказала Анастасия.

— Тогда неудобный. Это даже лучше.

— Для кого?

Ланской посмотрел на нее, потом на Рудневу у кафедры. Быстро. Сравнил два кадра.

— Для всех, кто делает вид, что пришел только за знанием.

Анастасия не ответила. Фраза была неглупая. И слишком хорошо готовая к тому, чтобы понравиться произнесшему.

— Максим, — сказал он. — Хотя вы, кажется, уже поняли.

— Анастасия.

— Да, я слышал.

Он произнес это без фамильярности, но с тем легким присвоением, которое появляется у людей, привыкших помнить имена только после того, как имя стало полезным.

У кафедры Руднев поднял голову. Его взгляд остановился на них. Не задержался надолго, но этого хватило. Он что-то сказал пожилому преподавателю, пожал ему руку и начал складывать бумаги. Очередь редела.

— Он вас заметил, — сказал Ланской.

— Вы тоже.

— У меня работа проще. Я замечаю тех, кто портит гладкий звук.

— И что потом с ними делаете?

Ланской чуть усмехнулся. Не обиделся.

— Зависит от того, насколько красиво портят.

Анастасия посмотрела на его телефон. Он понял и поднял свободную руку, будто сдавался.

— Я не выкладываю людей без согласия, если это не публичное выступление.

— Это было публичное выступление?

— Лекция — да. Ваш вопрос — технически тоже.

— Технически.

— Но я могу замазать лицо.

Он сказал это легко, почти заботливо. Анастасии стало неприятно именно от этой легкости. Как будто ее лицо было не ее, а небольшая техническая проблема в хорошем материале.

— Не надо меня замазывать, — сказала она. — Просто не используйте.

Ланской не ответил сразу. На секунду в нем мелькнуло что-то настоящее: досада, может быть, даже уважение к препятствию. Потом лицо снова стало удобным.

— Договорились. Пока.

Слово «пока» осталось висеть между ними чуть дольше, чем требовалось. Не обещание, но и не точка.

Руднев уже шел к ним от кафедры. В руках он держал папку и пульт. Без микрофона, без экрана за спиной, он выглядел ниже, чем во время лекции, но не слабее. Скорее плотнее. Как предмет, вынутый из витрины.

— Анастасия Лужайкина, верно? — спросил он.

— Верно.

— Ваш вопрос был точным.

Она заметила, что он не сказал «интересным». Точный вопрос сложнее похвалить и легче обезвредить.

— Ваш ответ был аккуратным, — сказала она.

Ланской едва заметно поднял брови. Руднев посмотрел на нее внимательнее. Теперь уже без зала между ними.

— Аккуратность не худшее качество ответа.

— Если задача — не пролить воду.

Взгляд Руднева скользнул к столу, хотя отсюда влажной салфетки уже не было видно. Потом вернулся к ней. Он улыбнулся. Улыбка не дошла до усталости вокруг глаз.

— Вы работаете с травмой?

Вопрос был произнесен спокойно. Почти профессионально. Но Руднев задал его не потому, что хотел узнать сферу ее практики. Он проверял, откуда пришел удар.

— С людьми, — сказала Анастасия.

— Хороший ответ.

— Аккуратный.

Ланской тихо выдохнул через нос. Не смех, но близко.

Руднев повернулся к нему.

— Максим, вы ведь хотели короткое интервью?

— Хотел. Но вижу, что у вас образовалась более интересная беседа.

— Не переоценивайте интересность беседы только потому, что в ней есть напряжение.

— Я стараюсь.

— Плохо стараетесь.

Это было сказано сухо, но без злобы. Ланской принял укол охотно, почти благодарно. Камера была убрана, но внутри него все равно продолжалась запись.

В зале гасили часть света. Организаторы складывали провода, уносили стойки, кто-то закрывал дверь в боковую комнату. Пространство быстро теряло торжественность. Кафедра стала столом. Экран — белой тканью. Руднев — человеком с папкой в руке. Тема зла — поводом задержаться после лекции еще на несколько минут.

Анастасия почувствовала усталость в спине. Долгое сидение, слишком плотный воздух, чужие слова. Ей захотелось выйти на улицу, вдохнуть холод, пройти пару кварталов пешком, вернуть вечеру нормальный масштаб. Но Руднев смотрел на нее так, будто разговор еще не закончен.

— Вы не согласны с самой постановкой вопроса, — сказал он.

— Я не согласна с тем, что постановка вопроса всегда невинна.

— Это разные вещи.

— Да.

— Но вы не стали спорить с материалом.

— Материал был интересный.

Руднев кивнул. Ему это понравилось, хотя он постарался не показать.

— Тогда, возможно, вам будет любопытно увидеть, как мы с ним работаем до того, как он превращается в лекцию.

Анастасия молчала.

Ланской оживился раньше, чем успел скрыть это.

— Лаборатория? — спросил он.

Руднев посмотрел на него с раздражением, в котором было слишком много разрешения.

— Не для съемки.

— Разумеется.

— Максим.

— Я понял.

Он не понял. Или понял ровно то, что нужно было понять: запрет существует, значит, место действительно ценно.

Анастасия перевела взгляд на Руднева.

— Вы приглашаете меня посмотреть оборудование?

— Я приглашаю вас увидеть процедуру. Без выводов. Без красивых слов. Возможно, это снимет часть ваших подозрений.

— Или подтвердит.

— Это тоже результат.

Он сказал это почти легко. Но пальцы на папке снова на мгновение побелели.

В коридоре за открытой дверью прошли люди. Холодный воздух с лестницы донес запах мокрых курток и металлических перил. В аудитории оставалось все меньше посторонних. Белая стена за кафедрой стояла открыто, с тонкой трещиной у потолка. Анастасия посмотрела на нее еще раз.

Ей не нравился Руднев. Точнее, ей не нравилось не это. Неприязнь была бы проще. Он был умен, собран, не лишен достоинства. Он не продавал дешевую тайну и не прятался за фальшивой скромностью. Но в его речи, в паузах, в том, как он обходил вопрос, было маленькое закрытое место. Как дверь без ручки на гладкой стене.

Анастасия слишком хорошо знала такие места. Не у него конкретно. У людей.

Она могла уйти. Это было бы разумно. Лекция закончилась, вечер и так уже дал достаточно материала для размышления, а любопытство часто маскируется под профессиональный интерес ровно до той минуты, когда становится поздно.

Ланской ждал ее ответа, стараясь выглядеть так, будто не ждет. Руднев тоже ждал, но иначе: не просил, а оставлял возможность принять его предложение как привилегию.

Анастасия поправила ремень сумки на плече.

— Хорошо, — сказала она. — Посмотрю.

Руднев кивнул. Слишком спокойно.

— Тогда нам вниз. Через служебный коридор.

Он пошел первым, не оглядываясь сразу, будто был уверен, что за ним пойдут. Ланской шагнул следом и уже на ходу проверил телефон — не включил камеру, только коснулся экрана, как человек, которому нужно убедиться, что инструмент жив.

Анастасия задержалась на секунду у прохода между рядами. Аудитория почти опустела. Пыль больше не была видна без луча проектора. Белая стена стала обычной. Трещина у потолка — тоже обычной, такой, на которую никто не смотрит, пока она не пойдет дальше.

Потом она вышла за ними.

Глава 2. После лекции

В коридоре звук стал другим.

В аудитории он держался под потолком, собирался вокруг микрофона, возвращался от стен мягким гулом. Здесь, за дверью, он распался на отдельные движения: подошвы по каменной плитке, короткие звонки телефонов, рукава курток, голоса, которые сразу стали громче, будто люди боялись вынести серьезность лекции дальше положенного места.

Анастасия вышла последней из троих. Руднев шел впереди, не быстро, но так, что его приходилось догонять. Ланской держался на полшага сзади и сбоку, выбирая позицию, из которой можно было одновременно смотреть на профессора, на нее и на отражение в стеклянной стене холла. Телефон он убрал в карман, но ладонь оставил рядом, большой палец время от времени касался края корпуса через ткань.

Холл был ярче аудитории. Стекло отражало людей в верхней одежде, афиши будущих лекций, свет с улицы, размытые лица, лестницу, уходящую на второй этаж. В отражениях все выглядело чуть более собранными, чем в жизни: Руднев — прямее, Ланской — внимательнее, Анастасия — спокойнее.

Она задержала взгляд на своем отражении и сразу отвела глаза.

Не потому, что оно было неприятным. Наоборот. Темный жакет сидел хорошо, плотная ткань держала плечи, волосы были собраны ровно, кулон оставался на месте. После долгого сидения тело хотелось расправить, вернуть себе обычный объем: плечи назад, подбородок свободнее, шаг не торопить. В этом движении не было демонстрации. Просто ей нравилось снова занимать в пространстве столько места, сколько занималось, без извиняющегося сжатия.

В стекле она увидела, как Ланской смотрит не на нее, а на то, как она смотрит на себя. Быстро. Без пошлости. Скорее как человек, который заметил пригодную деталь.

Анастасия поправила ремень сумки на плече и пошла дальше.

— У вас хорошая площадка, — сказал Ланской. — Не слишком академическая, но еще не превращенная в культурный центр с пуфиками.

— Площадка университета не обязана соответствовать вашим жанровым ожиданиям, — ответил Руднев.

— Она обязана быть понятной зрителю.

— Моему зрителю или вашему?

Ланской улыбнулся.

— Сегодня они, кажется, пересеклись.

Руднев остановился у стойки с программами мероприятий. На глянцевых листах были напечатаны лица других лекторов: нейробиолог с усталым взглядом, историк в круглых очках, социолог на фоне книжного шкафа. Между ними лежали брошюры с названием сегодняшней лекции. Белые буквы на темном фоне, аккуратная графика, никакой дешевизны. Слово «источник» снова стояло внизу, уже не на экране, а в бумаге, которую можно было взять с собой.

Руднев взял одну брошюру, посмотрел на нее, положил обратно так, чтобы край совпал с остальной стопкой.

— Зритель, Максим, — сказал он, — это человек, которому заранее отведено место. Наука не обязана рассаживать людей удобнее.

— Зато люди любят, когда им объясняют по-человечески.

— Вы называете объяснением нарезку на заголовки.

— А вы называете глубиной нежелание отвечать прямо.

Анастасия шла рядом и слушала. Они говорили легко, почти привычно, но под легкостью уже были расставлены маленькие крючки. Ланской цеплял формулировку, Руднев возвращал ее очищенной, более строгой, но не отпускал полностью. Им обоим нравилась эта игра. Разница

была только в том, что один делал вид, будто она ему неприятна, а другой — будто она ничего не значит.

— Вы давно знакомы? — спросила Анастасия.

Ланской ответил раньше Руднева:

— Я давно пытаюсь получить от Виктора Сергеевича человеческое интервью.

— Он имеет в виду короткое, поверхностное и пригодное для монтажа, — сказал Руднев.

— Я имею в виду такое, которое кто-нибудь досмотрит до конца.

— Люди досматривают до конца то, что не требует от них внутреннего участия.

— Это сильная фраза. Можно я ее использую?

— Нет.

— Я замажу ваше лицо.

Анастасия невольно посмотрела на Ланского. Он сказал это почти тем же тоном, что недавно ей, и понял это одновременно с ней.

Они подошли к лестнице. Она была широкой, старой, с темными деревянными перилами, которые пытались выглядеть торжественно, хотя лак на изгибах стерся от тысяч рук. Балясины делили пространство на вертикальные полосы. Люди спускались и поднимались между ними, на мгновение появляясь целиком и тут же разрезаясь деревом на части: лицо, плечо, сумка, рука с телефоном, снова лицо.

Руднев пошел вниз. Ланской пропустил Анастасию вперед с жестом почти вежливым, но недостаточно естественным. Она не стала благодарить. Просто начала спускаться.

С каждой ступенькой шум лекции уходил выше. Голоса в холле оставались за спиной, превращались в общий слой, как вода за стеклом. Внизу было тише и прохладнее. На стене висела старая фотография корпуса: черно-белый фасад, деревья без листьев, люди в пальто, снятые так давно, что их лица стали частью архитектуры. Рядом — современная табличка с указателями: архив, технический отдел, лабораторный блок, служебный выход.

Анастасия заметила, что Руднев не смотрит на указатели. Его тело знало дорогу.

— Вы сказали «процедуру», — произнесла она.

Руднев не обернулся.

— Да.

— Не «эксперимент».

— Эксперимент — слишком громкое слово для того, что пока находится в стадии проверки.

— А процедура?

— Процедура честнее. Есть последовательность действий. Есть условия. Есть наблюдение.

— Есть результат?

Он остановился на площадке между этажами. Через высокое окно сюда падал уличный свет, уже вечерний, с серым оттенком. За стеклом виднелся двор: мокрые плиты, голые ветки, несколько студентов под одним зонтом, курящий мужчина у урны. Нормальный мир держался за окном уверенно, почти грубо.

— Результат есть всегда, — сказал Руднев. — Иногда он состоит в том, что гипотеза не подтверждается.

— А вам нужен какой?

Вопрос вышел раньше, чем она решила, стоит ли его задавать. Анастасия сразу почувствовала эту маленькую поспешность. Не ошибку, но сдвиг: она снова ударила туда же, и теперь это могло выглядеть не точностью, а настойчивостью.

Руднев это тоже почувствовал. Он не улыбнулся. Только положил ладонь на перила. Большой палец прошел по стертых местам лака, туда и обратно.

— Мне нужен воспроизводимый, — сказал он.

— Красивый ответ.

— Вы не любите красивые ответы?

— Люблю. Просто после них часто приходится проверять, что под ними осталось.

Ланской, стоявший на ступеньку выше, тихо сказал:

— Это уже почти формат.

— Максим, — произнес Руднев, не поднимая голоса.

— Молчу.

Он действительно замолчал, но так, чтобы молчание тоже присутствовало в разговоре.

Руднев посмотрел на Анастасию. Без лекционной высоты, без кафедры, без холодного света экрана его лицо стало менее гладким. В нем появилась усталость, которую он не показывал залу. Не слабость. Скорее след усилия, постоянно прикладываемого к одному и тому же месту.

— Вы работаете с людьми, которые не доверяют словам, — сказал он. — Поэтому вам кажется, что всякая формулировка что-то скрывает.

— Не всякая.

— Но моя — да.

— Ваша слишком хорошо знает, как должна звучать.

Руднев принял это спокойно. Или сделал вид. Он снял руку с перил, и на темном дереве остался короткий влажный след от ладони.

— Это не порок формулировки, Анастасия. Это ее работа.

— Иногда работа формулировки — не подпустить ближе.

— Иногда работа человека — не вторгаться туда, куда его не приглашали.

Фраза была произнесена мягко. Почти без нажима. Но она попала.

Анастасия удержала лицо неподвижным. Слишком неподвижным, и сама это заметила. На секунду лестничная площадка стала теснее: перила сбоку, стена с фотографией, Ланской выше, Руднев напротив, окно за его плечом. Она почувствовала, как ткань рубашки касается кожи под жакетом. Маленькая конкретная деталь вернула расстояние.

— Тогда странно, что вы ведете нас вниз, — сказала она.

Руднев посмотрел на нее дольше обычного. Потом кивнул.

— Справедливо.

Он первым продолжил спуск.

Внизу лестница выходила в узкий коридор с низким потолком. Здесь университет терял публичный вид. Стены были окрашены в светло-серый цвет, местами потертый у углов. На полу лежала плитка, слишком практичная для торжественных мероприятий. Лампы под потолком давали ровный служебный свет, в котором лица становились честнее и хуже. Стеклопанельная дверь в конце коридора отражала их троих и одновременно показывала следующий участок: еще один проход, лифт, металлическую дверь с электронным замком.

У двери стояла женщина-организатор с папкой. Она, видимо, спустилась другим путем и теперь ждала Руднева, чтобы отдать ему какие-то бумаги. Увидев Анастасию и Ланского, она на мгновение растерялась. Не сильно. Просто взгляд успел спросить то, что рот не мог.

— Виктор Сергеевич, подписи для архива, — сказала она.

Руднев взял папку. Поставил ее на узкий подоконник внутреннего окна, подписал два листа. Подпись у него была быстрой, угловатой, почти нечитабельной. После каждой он ставил ручку точно рядом с линией, не на лист, чтобы не размазать чернила.

— У вас гости? — спросила женщина.

— Коллеги.

Слово вышло слишком широким. Ланской чуть приподнял брови, но промолчал. Анастасия не стала исправлять. Женщина с папкой посмотрела на нее, потом на Ланского. Взгляд на Ланском задержался дольше: телефон, лицо из сети, риск лишней публичности.

— В лабораторный блок сейчас нельзя без регистрации, — сказала она.

— Я внесу их в журнал сам, — ответил Руднев.

Женщина хотела сказать еще что-то, но не сказала. Затем, будто о чем-то пожалев, уточнила:

— Только до двадцати двух. Потом система закроет внутренний переход.

— Достаточно.

Он вернул папку. Женщина прижала ее к груди. На секунду Анастасии показалось, что она хочет посмотреть на нее не служебно, а по-человечески: кто вы и зачем идете туда вечером с ним? Но следующий человек появился в верхней части лестницы, позвал ее, и она ушла, оставив после себя запах бумаги и слабых духов.

Руднев приложил карту к считывателю. Замок щелкнул не сразу. Сначала мигнул красный огонек, потом зеленый. Эта короткая задержка оказалась заметнее, чем должна была. Ланской подался вперед, будто даже звук доступа был частью будущего материала.

— Телефон здесь лучше убрать, — сказал Руднев.

— Я его не достаю.

— Лучше, чтобы у вас не возникло соблазна.

— Соблазн возникает не от телефона.

— Не усложняйте.

— Это обычно ваша роль.

Руднев открыл дверь и пропустил их вперед. Не из вежливости. Скорее чтобы видеть, кто как входит.

Коридор за стеклом был уже совсем другим. Не закрытым, но непубличным. Здесь не висели афиши, не стояли стойки с программами, не было случайных слушателей. Белые двери с маленькими табличками, камеры под потолком, шкафы с инвентарем, огнетушитель в нише, длинная полоса света на полу. Обычное служебное пространство, где человеческая речь становится ниже, даже если никто этого не просит.

Анастасия почувствовала, как меняется ее шаг. В холле можно было идти свободно, в лестничном пространстве — держать ритм беседы. Здесь тело само становилось аккуратнее. Не трогать стены. Не заглядывать в двери. Не шуметь. Быть допущенной, но не принадлежать.

Ланской тоже это почувствовал. Его плечи чуть опустились, улыбка ушла. Он вынул телефон из кармана, посмотрел на экран, выключил звук и показательно положил аппарат во внутренний карман куртки.

— Видите? — сказал он. — Я могу быть этичным.

— Этика начинается не с выключенного звука, — сказала Анастасия.

— А с чего?

— С момента, когда вы не используете человека, даже если он хорошо освещен.

Он посмотрел на нее внимательнее. Без улыбки. Впервые за вечер в его лице стало меньше скорости.

— Вы всегда так разговариваете?

— Нет.

— Повезло мне?

— Пока не знаю.

Руднев шел впереди и, казалось, не слушал. Но у следующей двери он остановился слишком точно после ее ответа.

— Максим полезен, — сказал он, не поворачиваясь. — Его способ мышления неприятен, но показателен.

— Спасибо, — сказал Ланской. — Редко меня называют неприятным так академично.

— Вы умеете быстро находить форму, которая пройдет через сопротивление зрителя.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

— У вас все комплименты выглядят как результаты вскрытия.

Руднев приложил карту к следующему считывателю. Зеленый огонек загорелся сразу.

— Именно поэтому я стараюсь их не делать.

Дверь открылась в небольшой предбанник перед лифтами. Один лифт был обычный, с зеркальными дверями, другой — грузовой, широкий, с матовой металлической створкой. На стене висела схема эвакуации. Красные линии путей отхода казались слишком уверенными для места, куда их вели.

Руднев нажал кнопку грузового лифта.

— Лаборатория в подвале? — спросил Ланской.

— На нижнем уровне.

— Это разные слова для одного и того же.

— Нет.

— Потому что «подвал» звучит слишком хоррорно?

Руднев посмотрел на него.

— Потому что подвал — это бытовая часть здания. Нижний уровень проектировался под изоляцию звука, вибрации и доступа.

— Гораздо менее хоррорно, да.

Анастасия смотрела на зеркальную дверь соседнего лифта. В ней отражались они трое: Руднев ближе всех к кнопке, прямой, с папкой под рукой; Ланской чуть сзади, с лицом человека, которому очень хочется достать телефон и который гордится тем, что пока не достает; она между ними, но не посередине — ближе к стене. Балясины лестницы остались позади, но пространство все равно продолжало делить их на участки: стекло, металл, двери, отражения и невидимые правила доступа.

Грузовой лифт пришел с низким металлическим вздохом. Двери разошлись. Внутри пахло резиной, холодным металлом и застоявшимся воздухом — как в местах, где часто перевозят оборудование, но редко людей. На полу были следы от колес. В углу — складной стул, пристегнутый к стене ремнем.

Руднев вошел первым. Ланской — за ним. Анастасия задержалась у порога ровно на то время, чтобы это можно было принять за обычную осторожность перед лифтом.

Она не боялась. По крайней мере, не так. Но в этом движении вниз было что-то слишком последовательное. Лекция, вопрос, холл, лестница, служебный коридор, карта доступа, нижний уровень. Каждая следующая дверь закрывала предыдущую возможность уйти без объяснений.

Она вошла.

Двери начали сходиться. Ланской все-таки коснулся кармана с телефоном. Руднев заметил.

— Максим.

— Я просто проверил, что он не выпадет.

— Пусть выпадет.

— Там вся моя работа.

— Вот именно.

Лифт дернулся и пошел вниз. Не плавно; старый механизм давал легкую вертикальную дрожь, которая переходила в колени. Несколько секунд все молчали. На панели менялись цифры: ноль, минус один, минус два. Указатель не светился ярко, только вяло проступал красным под мутным пластиком.

— Почему вы меня пригласили? — спросила Анастасия.

Руднев посмотрел на нее. В тесном лифте его взгляд стал менее удобным: от него нельзя было отойти на нужное расстояние.

— Потому что вы задали правильный вопрос.

— Это не ответ.

— Потому что вы не из моей среды.

— Ланской тоже не из вашей среды.

— Максим из любой среды делает свою.

Ланской поднял палец.

— Неприятно, но показательно.

Руднев не отреагировал.

— Вы смотрите не на объект, — продолжил он. — Вы смотрите на то, что человек делает с объектом. Это может быть полезно.

— Для чего?

— Чтобы заметить то, что мы пропускаем, когда слишком долго работаем с одним материалом.

— Вы хотите внешнюю оценку?

— Я хочу свежий взгляд.

— Это разные слова для одного и того же?

Ланской тихо хмыкнул.

Руднев чуть повернул голову к нему.

— Не перенимайте мои интонации, Максим. Они требуют дисциплины.

— Я тренируюсь.

— Не здесь.

Лифт остановился. Двери раскрылись на узкий коридор без окон. Свет был холоднее, чем наверху. Не синий, не больничный, но ровный до неприятия. Стены здесь были свежее, чем в служебной части: белые панели, кабель-каналы, таблички с номерами помещений, датчики доступа. За одной дверью глухо работала вентиляция. За другой что-то коротко щелкнуло и снова замолчало.

Анастасия вышла и сразу почувствовала, что воздух другой. Не тяжелый. Просто обработанный. В нем было меньше случайности: ни мокрых курток, ни кофе, ни чужих духов, ни пыли старой лестницы. Слишком чистый воздух всегда казался ей немного подозрительным. В нем было трудно понять, кто здесь был до тебя.

Руднев пошел по коридору. Его шаг стал увереннее. Не быстрее, а плотнее. В лекционном зале он занимал внимание, на лестнице — разговор, здесь он занимал пространство. Таблички на дверях были для него не обозначениями, а продолжением руки: архив звуковых образцов, акустическая, хранилище, серверная, лаборатория психофизиологических конфигураций.

Ланской прочитал последнюю табличку вслух:

— «Психофизиологические конфигурации». Красиво.

— Вы теперь каждое слово будете оценивать на кликабельность?

— Нет. Некоторые сами справляются.

Анастасия остановилась у таблички. Буквы были черные, аккуратные, на белом пластике. Слово «конфигурации» выглядело так, будто за ним можно спрятать почти что угодно. Не потому, что оно было ложным. Потому что слишком спокойно принимало форму любого содержания.

— Вы правда считаете, что состояние можно собрать? — спросила она.

Руднев достал связку ключей. На ней были две электронные карты, обычный ключ, маленькая металлическая пластина без маркировки.

— Состояние собирается постоянно, — сказал он. — Комнатой, голосом, светом, чужим взглядом, ожиданием. Вы знаете это лучше меня.

— Я знаю, что состояние возникает.

— Возникает — удобное слово, когда мы не хотим видеть сборку.

Он повернул ключ в замке, хотя рядом был электронный считыватель. Механический звук в современном коридоре прозвучал лишним и оттого убедительным.

— Вопрос в том, можно ли повторить условия достаточно точно, чтобы вызвать не реакцию отдельного человека, а саму форму.

— Форму чего?

Руднев не ответил сразу. Приоткрыл дверь и удержал ее ладонью, не давая уйти дальше. Через щель был виден темный участок помещения, край стеллажа, отражение маленького зеленого огонька на стекле, толстый кабель, уходящий по полу куда-то внутрь.

— Того, что люди обычно объясняют слишком поздно, — сказал он.

Ланской поднял голову.

— Это можно цитировать?

— Нет.

— Вы же понимаете, что чем чаще говорите «нет», тем больше я хочу?

Руднев отнял руку от двери и открыл ее шире.

— Поэтому вы здесь только до порога моего терпения.

Он вошел первым и включил свет.

Помещение за дверью не стало сразу понятным. Сначала вспыхнули длинные потолочные лампы, потом под ними проявились столы, стойки, закрытые шкафы, мониторы под чехлами, стеклянные боксы на отдельной полке. Все было современным, чистым, почти скучным. Но скука не удержалась. На одном из столов лежали датчики с маркировкой, рядом — старый предмет под прозрачным колпаком, темный, с круглым отверстием, похожий на тот, что был на слайде. Не музейная вещь в витрине, не украшение кабинета, а предмет, который поставили рядом с техникой и заставили участвовать в работе.

Анастасия осталась на пороге. Она видела только часть лаборатории, но этого хватило, чтобы понять: приглашение было не завершением разговора после лекции. Оно было продолжением вопроса, заданного ею в зале. Только теперь ответ Руднев собирался показывать не словами.

За ее спиной Ланской тихо произнес:

— Вот теперь начинается.

Руднев обернулся.

— Нет, Максим. Началось раньше.

И в этой фразе впервые за вечер не было гладкости.

Глава 3. Лаборатория

Руднев включил свет не весь сразу.

Сначала загорелась полоса над входом, потом две длинные лампы у дальней стены, потом зеленые точки на стойках приборов. Лаборатория проступала слоями, как фотография в проявителе, только вместо лица на бумаге появлялось место, где слишком многое было аккуратно поставлено рядом и от этого не становилось единым.

Здесь не было ничего похожего на тайный кабинет. Никаких тяжелых штор, свечей, черных шкафов с латунными ручками, старых книг в пыли. Белые столы на металлических ножках. Кабель-каналы вдоль стен. Мониторы, закрытые серыми чехлами. Акустические панели, похожие на соты. Шкафы с прозрачными дверцами. Пластиковые контейнеры с маркировкой. На стене — план эвакуации, рядом инструкция по пожарной безопасности, написанная тем сухим языком, который одинаково подходит и для чайника в офисе, и для места, где человек решает потрогать невозможное.

И все же помещение не выглядело нормальным.

На центральном столе стояли стеклянные боксы. В них лежали старые предметы: каменные кольца с неровными внутренними краями, пластина с едва видимой насечкой, темный обломок, похожий то ли на кусок обожженной кости, то ли на минерал, который слишком долго держали в земле. Под каждым — белая карточка: номер, дата поступления, место находки, состав материала, степень сохранности. Подписи делали вещи безопаснее только на расстоянии. Когда Анастасия подошла ближе, безопасность исчезла. Карточки не объясняли, зачем это лежит рядом с усилителями, датчиками и экраном частотного анализа.

Ланской остановился у порога.

— Вот это уже сильнее холла, — сказал он.

Руднев не обернулся.

— Телефон.

— Он убран.

— Выключен?

Ланской помедлил ровно столько, чтобы это стало ответом.

— Сейчас.

Он достал телефон, показал экран, нажал кнопку. Экран погас. В темном стекле на секунду отразились лампы лаборатории и его лицо — слишком спокойное для человека, которого попросили убрать главный орган чувств. Он сунул телефон во внутренний карман куртки. Карман не застегнул.

Руднев заметил. Ничего не сказал.

Анастасия вошла глубже. Под подошвами пол был не каменный, как в коридоре, а плотный резиновый, чуть пружинящий. Это меняло звук шагов. В обычной комнате шаг сообщает: я здесь. В этой шаг поглощался почти сразу, будто помещение заранее не хотело лишнего свидетельства о присутствии людей.

— Вы здесь работаете один? — спросила она.

— Нет.

Руднев снял папку со стола и положил ее на край боковой тумбы. Потом открыл шкаф с маркированными ящиками, проверил что-то внутри, закрыл.

— Но сегодня — без группы.

— Почему?

— Потому что группа требует протокола, а протокол требует предварительной заявки.

— А предварительная заявка требует объяснить, что именно вы собираетесь делать.

Он посмотрел на нее через плечо.

— Не всегда.

— Но сегодня — да.

Руднев задержал взгляд. Не раздраженно. Скорее как человек, который слышит слабый сбой в хорошо знакомом приборе и пока не знает, чинить его или отключить.

— Сегодня я собираюсь показать вам процедуру на минимальных параметрах. Демонстрацию.

— После лекции.

— После удачной лекции, — сказал Ланской.

Руднев повернулся к нему.

— Максим.

— Я молчу.

— Нет.

— Хорошо. Я уменьшаюсь в значении.

— Попробуйте.

Ланской поднял руки на уровне груди, будто физически сдавал пространство, и отошел к стене. Но глаза у него остались живыми. Он уже выбирал, где бы стоял кадр, если бы ему разрешили снимать: от входа — слишком плоско; от шкафа — хорошо виден Руднев; от стола — можно поймать предметы; из угла — глубина, провода, лицо Анастасии, если повернуть чуть вправо.

Анастасия видела, как он не снимает. Это было почти так же заметно, как съемка.

Руднев снял чехлы с двух мониторов. Один показал серое окно программы с графиками и числовыми полями. Второй — изображение с камеры над столом: центральная поверхность, стеклянные боксы, край акустического излучателя, его собственные руки, слишком белые под верхним светом. На экране лаборатория выглядела чище, проще и бессовестнее. Камера не чувствовала несовместимости. Для нее древний предмет и кабель были просто объектами разной формы.

— Вы говорили на лекции о формах, — сказала Анастасия. — А здесь работаете со звуком?

— Со звуком, ритмом, зрительным паттерном и состоянием наблюдателя.

— Наблюдателя или участника?

— Хороший вопрос.

— Не ответ.

Руднев чуть улыбнулся, но улыбка была рабочей, не живой.

— Сначала наблюдатель. Потом, если процедура достигает определенного порога, различие становится менее удобным.

— Опасная фраза.

— Научная.

— Это не всегда разные вещи.

Ланской у стены тихо хмыкнул. Не из желания поддержать ее, а потому что фраза легла удобно. Руднев не дал ему войти в разговор. Он открыл один из стеклянных боксов, достал тонкие перчатки, надел их медленно, палец за пальцем. Потом снял верхнюю крышку с контейнера, где лежало каменное кольцо с неровным отверстием.

Предмет был меньше, чем казался на слайде. От этого он стал неприятнее. На экране лекции он был частью гипотезы, архивной фотографией, иллюстрацией к словам. Здесь он помещался на ладони. Серый, шероховатый, с мелкими темными точками в углублениях. По внешнему краю шла насечка: не орнамент в обычном смысле, скорее повторение мелкого повреждения, которое слишком много раз сделали намеренно.

Руднев положил кольцо на мягкую черную подкладку в центре стола.

— Это оригинал? — спросил Ланской.

— Нет. Оригинал в фондах.

— Реплика?

— Функциональная реконструкция.

— То есть реплика с амбициями.

Руднев поправил положение кольца пинцетом.

— То есть объект, параметры которого воспроизведены по доступным данным.

— Звучит почти так же.

— Только если не слушать.

Анастасия подошла ближе. Кольцо лежало под камерой, ровно, как мишень. Внутреннее отверстие было не круглым. Оно чуть вытягивалось в одну сторону, и глаз постоянно пытался исправить его до правильной формы. Не получалось. В этом было что-то похожее на неточную фразу, которую хочется поправить за другого человека.

— Его использовали в ритуалах? — спросила она.

— Мы не знаем, — сказал Руднев.

Он сказал это быстро. Слишком быстро для человека, который любил оговорки.

Анастасия посмотрела на него.

— Но предполагаете.

— Предполагаем, что подобные объекты могли участвовать в процедурах сенсорной синхронизации. Звук, жест, повтор, свет, дыхание группы. Не магия. Не вера как объяснение. Скорее способ привести участников к общему состоянию.

— К какому?

Руднев нажал несколько клавиш. На мониторе побежали линии.

— К состоянию, в котором внешняя форма начинает восприниматься как носитель внутреннего давления.

— Вы опять говорите красиво.

— Я говорю точно.

— Тогда проще.

Он посмотрел на нее. Пауза вышла длиннее, чем требовалось.

— Человеку показывают форму, дают ритм, звук и ожидание. Через некоторое время он начинает чувствовать, что форма не изображает угрозу, а содержит ее.

— А если человек заранее знает, чего от него ждут?

— Поэтому нужны контрольные группы.

— Здесь их нет.

— Здесь нет исследования. Здесь демонстрация.

Ланской поднял палец, но не успел вставить слово. За дверью раздался короткий стук — не костяшками, а чем-то тяжелым, скорее кольцом ключей или суставом человека, который привык проверять дверь не на вежливость, а на прочность.

Руднев не удивился.

— Войдите.

Дверь открылась, и в лабораторию вошел мужчина в темной служебной куртке без лишних знаков. Крупный, но не расплывшийся. Он занимал проем не плечами даже, а способом стоять: будто дверь была временной уступкой, а не границей. Волосы короткие, лицо широкое, с плотной нижней челюстью. Нос, когда-то, возможно, сломанный. Взгляд не тяжелый нарочно, а просто не привыкший отступать первым. На поясе — связка ключей, пластиковая карта, фонарь, складной мультитул. Никакой демонстрации силы. Только предметы, которые должны быть под рукой, если что-то перестанет вести себя как положено.

Он посмотрел сначала на Руднева, потом на Ланского, потом на Анастасию. На ней взгляд не задержался дольше, чем надо, и этим отличался от большинства взглядов, которые приходилось замечать. Не оценил. Не примерил. Просто внес в карту помещения.

— Сергеич, — сказал он. — У нас опять грузовой лифт заедает. Если ты своих гостей через него гонял, мог бы предупредить.

Голос был низкий, не грубый, но не предназначенный для мягких комнат.

— Он доехал, — сказал Руднев.

— Он всегда доезжает. Вопрос — с какой верой в жизнь.

Ланской оживился.

— Вы местный специалист по вере в жизнь?

Мужчина повернул к нему голову. Медленно. Не угрожающе. Просто теперь Ланской оказался в центре его внимания, и стало заметно, что это место не всем подходит.

— Я местный специалист по тому, чтобы люди не совали руки туда, где их отрежет, — сказал он.

Ланской чуть улыбнулся, но улыбка вышла меньше обычной.

— Максим Ланской.

— Я знаю.

— Хорошо или плохо?

— Просто знаю.

Мужчина снял с пояса карту, приложил ее к считывателю у внутренней двери лаборатории. Замок щелкнул, хотя дверь никто не собирался открывать. Он проверил индикатор, нахмурился.

— Сергеич, ты опять обошел блокировку?

— Я перевел систему в ручной режим.

— Это называется обошел блокировку.

— Это называется временный доступ к оборудованию без удаленного журнала.

— Ага. То есть провел людей мимо журнала и сделал так, чтобы потом это выглядело умнее.

Руднев не ответил сразу. Перчатки на его руках слегка блеснули под лампами. Он снял их, положил рядом с боксом, словно разговор с охранником требовал другой степени телесного присутствия.

— Дюк Андреич, у нас демонстрация.

Теперь имя стало на место. Дюк. Анастасия услышала в нем странную тяжесть: не прозвище и не украшение, а что-то данное человеку заранее, к чему тело потом вынуждено было дорасти.

— Я вижу, — сказал Дюк. — Поэтому и спрашиваю.

— О чем?

— Кто отвечает, если кто-то полезет носом в стол.

Ланской на всякий случай убрал руки в карманы.

Дюк заметил. Глаза на секунду стали суше.

— Не в карманы. Из карманов всякая ерунда достается быстрее.

Ланской вынул руки.

— Я понял.

— Не похоже.

Анастасия наблюдала за ними обоими. Ланской впервые за вечер потерял удобный темп. Дюк не вступал в игру, и поэтому привычные маленькие крючки не цеплялись. С ним нельзя было обмениваться репликами, как рапирами. Он не фехтовал. Он просто стоял, и пространство возле него становилось уже.

До Анастасии дошел запах плотного мужского быта — такой однажды накрыл ее на улице, когда мимо прошла рота молодых курсантов: выстиранная, но уже нагретая ткань, кожаные ремни, металлические пряжки, гуталин, чужое плечо слишком близко. Запах не был

неприятным. Он просто занимал дополнительное место, как будто этот воздух уже был занят Дюком.

Руднев подошел к нему ближе.

— Мне нужно двадцать минут на малом акустическом контуре.

— Поздно.

— Я знаю.

— После двадцати двух лабораторный блок закрывается.

— Мы успеем.

— Ты всегда успеваешь как раз до того места, где потом надо вызывать меня.

Руднев слегка выдохнул. Не вздохнул — именно выдохнул, сдержав движение раньше, чем оно стало эмоцией.

— Дюк, это демонстрация на минимальной мощности.

— Для кого?

— Для коллег.

Дюк посмотрел на Ланского. Потом на Анастасию.

— Коллеги разные бывают.

— Не начинай.

— Я еще не начинал.

Они стояли друг напротив друга слишком привычно. Не друзья, не равные, не начальник и подчиненный в чистом виде. Между ними была усталость людей, которые уже много раз проходили один и тот же коридор: Руднев делал что-то за пределом разрешенного; Дюк приходил, чтобы это не стало пожаром, протоколом или трупом. И каждый считал свою роль единственной взрослой.

Анастасия поймала себя на слове «труп» и внутренне отодвинула его. Рано. Нечестно. В помещении было слишком много приборов и слишком мало причин для таких слов.

— Я могу выйти, — сказала она.

Руднев посмотрел на нее резко.

— Не нужно.

Дюк тоже посмотрел, но иначе.

— Можете, — сказал он. — Дверь пока открывается.

Руднев сжал пальцы на краю стола.

— Дюк Андреевич.

— Что?

— Не пугай гостей.

— Я не пугаю. Я объясняю устройство двери.

Анастасия неожиданно для себя почти улыбнулась. Не потому, что было смешно. Потому что его фраза разрешила лабораторную гладкость простым предметом: дверь открывается или нет. Иногда этого было достаточно, чтобы человек вспомнил, где стоит.

Руднев заметил ее реакцию. Что-то в его лице стало холоднее.

— Вам необязательно оставаться, — сказал он ей уже ровнее. — Но вы сами хотели увидеть, как выглядит процедура до того, как она становится словами.

— Хотела, — сказала Анастасия.

Дюк перевел взгляд на нее. В этот раз задержался чуть дольше. Не оценивая, а проверяя, сказала ли она это сама.

— Тогда не подходите к центральному столу без команды, — произнес он. — Не трогайте кабели. Если станет плохо — говорите сразу. Если Сергеич скажет «еще минуту», не слушайте. Говорите мне.

Руднев резко повернул голову.

— Ты здесь не руководитель эксперимента.

— А эксперимента здесь нет. Ты сам сказал: демонстрация.

Ланской тихо сказал:

— Мне нравится этот человек.

— Мне все равно, — сказал Дюк.

И в этом не было грубости. Он действительно сообщил ненужность чужой симпатии как факт.

Руднев вернулся к пульту. Движения его стали чуть быстрее. Не суетливее, но плотнее, как будто присутствие Дюка заставило его доказывать не только гостям, но и помещению, что оно принадлежит ему. Он включил малый акустический контур. В углах лаборатории загорелись маленькие синие индикаторы. На экране появилась схема комнаты: стол, четыре излучателя, камера, датчики давления, линия контрольного микрофона.

— Процедура короткая, — сказал Руднев. — Я не буду давать полный режим. Только базовую последовательность. Реконструированный объект помещается в центр. Звук подается не как музыка и не как частота в чистом виде, а как повторяющийся ритмический рисунок, построенный на соотношениях насечки. Свет — минимальный. Визуальный контур — через проекцию на внутреннюю поверхность кольца.

— На внутреннюю поверхность чего? — спросил Ланской.

— Отверстия.

— То есть вы светите внутрь дырки.

Дюк посмотрел на него.

— Лучше молчать.

— Согласен, формулировка неудачная.

Анастасия подошла к боковой отметке на полу. Черная линия ограничивала зону вокруг центрального стола. Она не была похожа на запрет. Скорее на вежливую просьбу помещения не путать себя с обычной комнатой. Дюк стал чуть ближе к двери, но так, чтобы видеть стол, Руднева и гостей одновременно. Он не смотрел на предметы с интересом. Для него важнее были руки людей. Рука Руднева на пульте. Рука Ланского возле куртки. Ее собственная рука, которая снова потянулась к кулону и остановилась на полпути.

Она опустила пальцы.

Руднев это заметил. Или ей показалось.

— Вы можете воспринимать это как психологический тест, — сказал он. — Никакой внушенной реакции от вас не требуется. Более того, любая сильная реакция будет означать, что параметры завышены.

— Удобно, — сказала Анастасия.

— Что именно?

— Если ничего не происходит — параметры малые. Если происходит — реакция наблюдателя.

Руднев не сразу нашел ответ. Дюк посмотрел на него с выражением человека, которому эта мысль давно была понятна без слов.

— Именно поэтому здесь есть приборы, — сказал Руднев наконец.

— Приборы тоже показывают только то, что вы решили измерять.

— А вы видите только то, что привыкли подозревать.

Ответ вышел быстрее, чем его обычные фразы. В нем был скол. Небольшой, но видимый. Анастасия почувствовала странное удовлетворение и тут же ей стало неприятно от этого удовлетворения. Она не пришла сюда побеждать в разговоре. По крайней мере, так она хотела думать.

Ланской медленно поднял руку, как школьник на занятии, где уже началось что-то интересное.

— Можно вопрос до того, как мы все станем данными?

— Нет, — сказал Дюк.

— Я не у вас спрашивал.

— А надо было.

Руднев закрыл окно настроек и открыл другое. На экране побежали колонки цифр.

— Спрашивайте.

— Что будет считаться успехом?

Вопрос повис спокойно. Слишком спокойно. Анастасия повернулась к Ланскому. Он смотрел на Руднева без улыбки. Иногда за привычкой вытаскивать заголовок у него все-таки появлялась точность. Или это тоже была часть привычки.

Руднев стоял у пульта. Свет монитора ложился ему на лицо снизу, делая его старше.

— Стабильная корреляция между звуковым рисунком, реакцией среды и состоянием наблюдателя.

— Это ответ для заявки на грант, — сказал Ланской. — А для себя?

Дюк чуть двинул головой в сторону Ланского. Не предупреждая — признавая, что вопрос попал.

Руднев посмотрел на каменное кольцо в центре стола. На мониторе оно было черным овалом внутри серой рамки.

— Для себя, — сказал он медленно, — я хотел бы увидеть, что древние формы не были суеверным мусором.

— А если точнее? — спросила Анастасия.

Руднев поднял глаза.

— Что человек веками повторял не пустой жест.

— А если еще точнее?

В лаборатории стало тихо. Не совсем — вентиляция работала, где-то гудел блок питания, монитор тихо потрескивал пластиком от нагрева. Но человеческая часть звука ушла.

Руднев положил ладонь на край пульта.

— Что за повторением стоит реальность, — сказал он.

Это была первая фраза за вечер, в которой он не закрылся полностью. Она прозвучала не как доказательство для них, а как то, что он давно повторял без свидетелей, только другими словами.

Анастасия не стала продолжать. Вопросы дальше стали бы не точнее, а грубее.

Дюк отвел взгляд первым. Ему, кажется, не нравились разговоры, в которых человек сам подводит себя к краю и просит остальных заметить, как ровно он стоит.

— Запускай уже, Сергеич, — сказал он. — Пока система не передумала.

Руднев нажал клавишу.

Сначала ничего не произошло.

Это «ничего» было почти неловким. В комнате с людьми, приборами, древним предметом под камерой и сказанными фразами ожидалась хотя бы маленькая перемена. Вместо нее — лаборатория осталась лабораторией. Белые столы. Шкафы. Провода. Резиновый пол. Ланской у стены. Дюк у двери. Анастасия за черной линией. Руднев у пульта.

Потом появился звук.

Не громкий. Не музыка. Скорее низкое повторение на границе слуха, которое сначала казалось работой вентиляции. Через несколько секунд стало понятно, что вентиляция слишком ровная для такого рисунка. Звук шел толчками, но без ударов: короткое давление, пауза, более длинное давление, две паузы, снова короткое. Он не просился в уши. Он находил тело. В грудной клетке что-то начало отвечать раньше, чем слух успел дать этому название.

Ланской нахмурился.

— Это должно быть слышно?

— Частично, — сказал Руднев.

— А остальное?

— Остальное ощущается.

Дюк стоял неподвижно, но Анастасия увидела, как он чуть перенес вес с одной ноги на другую. Не от тревоги. От проверки пола.

На кольцо упал тонкий луч. Не сверху, а сбоку, из маленького проектора, закрепленного на стойке. Свет попал во внутренний край отверстия, скользнул по неровной поверхности, разбился на несколько тусклых пятен. На первый взгляд — ничего особенного. Просто свет на камне. Потом пятна начали повторять звук: становиться чуть ярче в момент давления, гаснуть в паузе, снова проступать. Кольцо не светилось. Скорее показывало, где свет не может удержаться.

Анастасия смотрела на внутренний край отверстия и ловила раздражающее желание исправить его глазами. Сделать ровнее. Собрать круг. Закрыть вытянутую сторону. Неровность не давалась. Чем дольше она смотрела, тем сильнее казалось, что это не дефект предмета, а дефект ее восприятия. Как будто круг был правильным, а она не могла увидеть его без искажения.

Она перевела взгляд на монитор. Там были графики. Графики выглядели успокаивающе: линия идет вверх, линия идет вниз, числа меняются, мир еще можно положить в окно программы. Руднев следил за ними слишком внимательно. Его лицо стало почти молодым от напряжения. Не от радости — от ожидания радости.

Звук изменился.

Он не стал громче. Просто в нем появилась глубина, которой не должно было быть у малого акустического контура. Раньше звук шел из углов комнаты. Теперь он как будто возвращался из места под центральным столом. Или за стеной. Или из самих предметов, которым наконец дали возможность говорить на языке, для которого они были сделаны.

— Сергеич, — сказал Дюк.

Руднев не ответил.

— Виктор Сергеевич, — сказала Анастасия.

Он поднял руку, не отрывая взгляда от экрана.

— Нормально. Это ожидаемое усиление.

— Кем ожидаемое? — спросил Ланской.

Руднев не посмотрел на него.

— Мной.

Дюк сделал шаг вперед. Не к столу — к Рудневу.

— На минимальных параметрах такого не было.

Руднев теперь был вынужден повернуться.

— Было.

— Я здесь был.

— Ты был при другом объекте.

— При трех других объектах.

— Этот точнее.

— Или нет.

Анастасия снова посмотрела на кольцо. Свет внутри отверстия двигался не по поверхности, а будто чуть глубже. Это было невозможно как оптическое явление и слишком слабое, чтобы назвать невозможным уверенно. Анастасия моргнула. Пятна вернулись на камень. Потом снова оказались глубже.

Она почувствовала, что ладони стали влажными.

Не страх. Еще нет. Страх приходит с именем, с причиной, с картинкой будущего. А это было раньше имени.

Сначала ноги стали чужими — тяжелыми и непослушными. Потом в горле появилась тонкая сухая нитка, будто кто-то протянул ее изнутри и слегка натянул. Дыхание не сбилось, но сделалось заметным: вдох пришлось брать отдельно, как предмет со стола.

Комната не изменилась. Те же приборы, стол, провода, лица. Только все вдруг оказалось расставлено не для работы, а для неудобного бегства: дверь стала дальше, Руднев — ближе, углы столов выпирающими, воздух — плотнее у самого лица.

Анастасия знала такие первые секунды. Пока еще можно решить, что ничего не происходит. Но тело уже реагирует.

— Надо остановить, — сказала она.

Руднев услышал. Пальцы его легли на ручку регулятора. Он мог повернуть ее вниз. Движение было простым, почти смешным в своей доступности: два сантиметра пластика, ребристый край, усилие большого и указательного пальцев.

Он не повернул.

— Еще двадцать секунд.

Дюк двинулся быстрее, чем Анастасия успела понять. Он оказался рядом с пультом и положил ладонь на край панели, не касаясь руки Руднева.

— Сейчас.

— Дюк, убери руку.

— Останови.

— Ты не понимаешь, что видишь.

— Я вижу, что тебе нравится.

Фраза попала жестко. Не грубо, а точно настолько, насколько Дюк вообще позволял себе точность в словах. Руднев побледнел не сразу. Сначала у него исчезло выражение хозяина. Потом — выражение ученого. Осталось лицо человека, которого поймали не на ошибке, а на удовольствии от нее.

Ланской молчал у стены. Рука у него была возле внутреннего кармана. Дюк не смотрел, но сказал:

— Не доставай.

— Я не...

— Не доставай.

Ланской убрал руку. Медленно.

Звук стал тяжелее еще на одну ступень. В лаборатории ничего не упало, не мигнул свет, не зазвенело стекло. Наоборот, все стало слишком устойчивым. Кабели на полу лежали как линии на чертеже. Стекланные боксы стояли ровно. Чехол, сброшенный с монитора, висел на спинке стула и не шевелился. Но тень от стойки проектора легла не туда.

Анастасия увидела это случайно.

Стойка стояла слева от стола. Свет падал сверху и немного сзади. Тень должна была уходить вперед, к ней. Вместо этого тонкая черная линия вытянулась вбок, к шкафу, как если бы где-то в комнате появился второй источник света, невидимый и более властный. Она посмотрела на лампы. Потом на тень. Потом снова на лампы.

— Тень, — сказала она.

Руднев резко повернулся.

— Что?

— От стойки. Она не туда.

Дюк уже смотрел. В отличие от Руднева, он не стал искать объяснение на потолке. Он сразу принял тень как новую опасность, еще не зная ее устройства. Это было почти пугающе: как быстро его тело соглашалось с тем, что мир может нарушить правило, если нарушение нужно пережить.

Ланской шепотом произнес:

- Боже мой.
- Телефон, — сказал Дюк.
- Я не достал.
- И не достанешь.

Руднев, наоборот, подошел ближе к столу. Один шаг. Потом второй. Не в зону черной линии — пока рядом. Он смотрел не на тень, а на кольцо. Внутреннее отверстие теперь не казалось отверстием в камне. Оно выглядело как маленькое место, за которым есть глубина, но глубина не темная и не светлая. Просто не принадлежащая поверхности.

— Виктор Сергеевич, — сказала Анастасия. — Остановите.

Он поднял руку.

- Подождите.
- Нет.

Он не услышал «нет» как запрет. Услышал как шум рядом с важным процессом.

На мониторе график датчика давления дернулся вверх и остался там. Руднев посмотрел на экран, и в его лице появилось то самое: не радость целиком, не страх целиком. Смесь, в которой страх пришел позднее и теперь мешал радости выглядеть благородно.

Дюк положил ладонь на регулятор.

— Все.

Руднев перехватил его запястье.

Движение было маленьким, почти нелепым: сухая рука профессора на широком запястье охранника. По силе это ничего не значило. Дюк мог убрать его одним поворотом кисти. Но не убрал сразу. Наверное, потому что в этом жесте было больше, чем физическое сопротивление. Руднев не останавливал Дюка. Он удерживал право на еще несколько секунд собственной правоты.

- Не сейчас, — сказал Руднев.
- Именно сейчас.
- Ты не понимаешь.
- Я не обязан понимать, чтобы выключить.

Анастасия сделала шаг назад. Воздух возле стола стал слишком плотным. Резиновый пол под ногами вдруг показался мягче. На секунду ей почудилось, что она стоит не на полу, а на поверхности, которая слегка принимает ее вес и не до конца возвращает обратно.

Ланской тоже отодвинулся от стены. Без улыбки. Он смотрел на каменное кольцо так, как до этого смотрел на экран телефона: ждал момента, где событие станет пригодным для захвата. Но теперь у него не было инструмента в руке. И без инструмента событие не становилось менее реальным. Оно, наоборот, становилось слишком большим.

— Максим, — сказала Анастасия.

Он повернул голову.

- Что?
- Смотрите на дверь.
- Зачем?
- Если что-то изменится, скажете.

Она не знала, почему выбрала именно дверь. Может быть, потому что Дюк уже смотрел на стол и Руднева. Потому что Ланской все равно пытался превратить происходящее в картину. Потому что человеку с телефоном проще было дать задачу, чем просить его быть человеком.

Ланской посмотрел на дверь. На секунду его лицо стало обиженно-сосредоточенным: ему дали не кадр, а пост. И этого хватило, чтобы он перестал тянуться к карману.

Руднев и Дюк стояли у пульта. Дюк не повышал голос. Руднев тоже. Но лаборатория держала между ними напряжение так явно, будто это был еще один кабель.

— Сергеич, — сказал Дюк, очень тихо. — Руку убери.

Руднев посмотрел на свою руку, как будто увидел ее отдельно от себя. Отпустил.

Дюк повернул регулятор вниз.

Звук не исчез.

Это оказалось хуже, чем если бы что-то взорвалось. Дюк повернул ручку до конца. Синие индикаторы в углах погасли. На мониторе окно программы сменило статус на «остановлено». Проекторный луч исчез с внутреннего края кольца. Лаборатория должна была вернуться к себе.

Звук остался на полсекунды.

Короткая, тяжелая полсекунды, в которой стало ясно, что происходящее уже не полностью принадлежит оборудованию.

Потом он оборвался.

Тишина не наступила сразу. Сначала вернулась вентиляция. Потом слабое гудение монитора. Потом чей-то выдох — Ланского или Анастасии, она не поняла. Дюк убрал руку с пульта. Руднев стоял рядом, глядя на каменное кольцо.

Тень от стойки лежала правильно.

Анастасия посмотрела на нее слишком долго, ожидая, что она снова поползет в сторону. Тень не двигалась. Из-за этого прежнее нарушение стало еще неприятнее. Мир умел исправляться так, будто ничего не было, оставляя свидетелям самим решать, насколько они готовы доверять собственным глазам.

— Демонстрация закончена, — сказал Дюк.

— Нет, — сказал Руднев.

Дюк повернулся к нему.

— Что?

— Мы получили реакцию после отключения питания.

— Вот именно.

— Это нужно повторить.

— Не сегодня.

— Немедленно.

Слово вылетело из Руднева резко. Не громко, но без привычной полировки. Ланской посмотрел на него с новым вниманием. Анастасия тоже. В этой короткой неприличной прямой Руднев стал яснее, чем за весь вечер. Не умнее, не хуже. Просто ближе к тому месту, которое он так хорошо закрывал словами.

Дюк покачал головой.

— Нет.

— Ты не имеешь права...

— Имею.

— На каком основании?

Дюк встал между Рудневым и пультом. Карта на его поясе качнулась и стукнула по фонарю.

— На том, что здесь двое посторонних. Без нормальной регистрации. И они были в опасности.

Руднев сделал шаг к нему. Маленький. Бесплезный.

— Ты сейчас уничтожаешь уникальную возможность.

— Я сейчас не даю тебе угробить людей.

— Никто не был в опасности.

Дюк посмотрел на тень от стойки. Потом на кольцо. Потом на Анастасию.

— Спросим гостей?

Руднев не повернулся к ним. Это было хуже любого ответа. Он не хотел слышать не потому, что презирал их мнение. Потому что оно могло помешать тому, что уже началось внутри него.

Анастасия сказала:

— Я была.

Только два слова. Без объяснений. Они упали в лабораторию без красоты.

Руднев медленно посмотрел на нее.

— У вас была реакция тревоги.

— У меня была реакция на то, что тень легла в неправильную сторону.

— При определенных углах...

— Вы знаете, что это не угол.

Он замолчал.

На секунду Анастасии стало жаль его. Не как хорошего человека и не как жертву. Жаль той части, которая так долго строила лестницу к собственной правоте, что теперь не могла остановиться на предпоследней ступени, даже увидев, что дальше нет пола. Это чувство было опасным. Из жалости к чужой одержимости легко начинают помогать ей подбирать слова.

Она не стала.

Ланской тихо сказал:

— У меня вопрос.

— Нет, — сказал Дюк.

— Уже не про съемку.

— Тем более.

Но Ланской смотрел на Руднева.

— Вы раньше видели такое?

Руднев не ответил.

Молчание затянулось. И в нем все стало понятно не хуже ответа. Дюк сжал челюсть. Анастасия почувствовала холод под ребрами. Не страх перед лабораторией — пока нет. Перед человеком, который привел их сюда не к неизвестному полностью, а к чему-то, что уже однажды показало зубы, пусть даже маленькие.

— Виктор Сергеевич, — сказала она. — Вы раньше видели такое?

Руднев снял очки. Без салфетки. Просто держал их в руке.

— Не в такой форме.

— В какой?

— Были отклонения.

— Какие?

— Акустические. Световые. Ошибки датчиков. Ощущение давления.

— Тени?

Он не ответил сразу.

Дюк выдохнул через нос.

— Значит, были.

— Один раз, — сказал Руднев. — И без подтверждения.

— Без свидетелей? — спросил Ланской.

— Без надежных свидетелей.

— То есть без тех, кто сказал бы то, что вам нужно.

Руднев повернулся к нему так резко, что Ланской отступил на полшага.

— Вы вообще понимаете, насколько это важно?

Теперь голос поднялся. Не до крика. Но до высоты, на которой в нем стало слышно не только раздражение, а просьба, замаскированная под обвинение. Руднев все меньше походил на человека, который час назад держал зал ровным голосом и точными паузами. Статус еще

оставался на нем — пиджак, очки, папка под рукой, привычка говорить сверху, — но под этим уже проступало что-то мелкое, трусливое и голодное.

Особенно рядом с Дюком. Тот не повышал голоса, не доказывал права, не просил разрешения. Он просто стоял у стола так, будто весь этот лабораторный блок, вместе с проводами, шкафами, ключами и самим Рудневым, давно был принят им на учет.

— Если реакция воспроизводима, значит, речь идет не о субъективном страхе, не о культурной ассоциации, не о внушении. Значит, есть стабильная форма взаимодействия между состоянием, объектом и средой. Значит, веками люди фиксировали не выдумку. Не сказку. Не красивый способ объяснить жестокость. Реальность. Пусть пока в слабом, пограничном виде. Но реальность.

Он говорил уже не для них. Или не только для них. Слова наконец догнали то место, куда он шел весь вечер. Лекция, холл, лестница, служебный коридор, грузовой лифт — все это было не дорогой в лабораторию. Это была подготовка свидетелей.

Анастасия вспомнила его ответ в зале: метод нужен, чтобы дисциплинировать желание.

Желание сейчас стояло перед ней без дисциплины. Не безумное. Не карикатурное. Именно поэтому опасное.

Дюк подошел к центральному столу и накрыл каменное кольцо прозрачной крышкой. Движение было простым, рабочим, почти грубым. Щелчок фиксаторов прозвучал громче, чем должен был.

— Все, — сказал он.

Руднев смотрел на закрытый бокс.

— Ты не понимаешь, что закрываешь.

— Камень.

— Не камень.

— Тогда тем более.

Ланской вдруг засмеялся. Коротко, нервно, сам удивился. Дюк посмотрел на него.

— Извините, — сказал Ланской. — Просто это... Очень плохой момент для остроумия.

— Тогда не надо.

— Да. Понял.

Анастасия отошла от черной линии. Ей захотелось сесть, но стула рядом не было, а идти к стене значило признать слабость, которую она еще не решила показывать. Она посмотрела на свои руки. Пальцы были напряжены. На большом пальце остался след от кулона, хотя она не держала его уже несколько минут.

Руднев вернулся к монитору с графиками. Дюк потянулся к панели, но Руднев поднял ладонь.

— Я не запускаю. Сохраняю данные.

— При мне, — сказал Дюк.

— Как угодно.

— Не как угодно. При мне.

Руднев нажал несколько клавиш. На экране открылся файл записи. Линии давления, звуковой спектр, отметки времени. Все выглядело сухо и почти скучно. На двадцать третьей секунде график дрогнул. На тридцать первой ушел вверх. На тридцать шестой, уже после отключения, появилась короткая полоса шума. Очень маленькая. Если не знать, что произошло, ее можно было бы списать на сбой.

Руднев смотрел на эту полосу так, как люди смотрят на фотографию человека, которого давно считали потерянным.

— Скопируй на внешний носитель, — сказал Дюк.

— Это лабораторные данные.

— Вот и сохранишь как положено.

— Я не обязан передавать тебе...

— Не мне. Системе.

Слово «система» между ними повисло с неожиданной тяжестью. Руднев усмехнулся.

— Как символично.

— Мне без разницы, символично или нет.

— В этом твоя сила.

— В этом моя работа.

Анастасия смотрела на файл. В голове собирался вопрос, но не тот, который можно было задать прямо. Не «что это было?». Слишком рано, слишком широко, слишком удобно для Руднева. Он сразу вернулся бы к словам, гипотезам, условиям. И не «зачем вы это сделали?». Ответ уже был. Или почти был.

Она спросила другое:

— Что должно было случиться на полном режиме?

Руднев замер.

Дюк медленно повернулся к ней. Ланской тоже.

Ответа не было несколько секунд. Вентиляция продолжала ровно гнать воздух, как будто лаборатория не слышала вопроса.

— Полный режим не утвержден, — сказал Руднев.

— Я не спросила, утвержден ли он.

— Полный режим не проводился.

— Что должно было случиться?

Он поставил очки на стол. Очень аккуратно. Дужками к себе.

— Устойчивый эффект.

— Какой?

— Пространственная реакция.

— То есть?

Руднев посмотрел на нее. Взгляд стал плоским, закрытым. Но теперь она уже видела, что за ним не пустота. Там было движение.

— Место должно было стать восприимчивым.

— К чему?

Он не ответил.

Ланской прошептал:

— К источнику.

Слово прозвучало слишком громко именно потому, что он сказал его тихо.

Руднев повернулся к нему, и на секунду Анастасии показалось, что он ударит его. Не рукой. Словом, статусом, запретом, чем угодно. Но Руднев удержался. Он поднял очки и надел их обратно.

— Это термин из лекции, Максим. Не используйте его как игрушку.

— Я сейчас не играл.

И это, кажется, было правдой.

Дюк подошел к двери и открыл ее. Коридор за порогом выглядел неприлично обычным: белые панели, зеленый указатель выхода, шкаф с инвентарем, тусклая полоса света на полу. Нормальность стояла в двух метрах, доступная, открытая, почти грубая. Нужно было просто выйти.

— Все наверх, — сказал Дюк.

Руднев не двинулся.

— Я должен закрыть процедуру.

— Закроешь после.

— Данные...

— Данные сохранятся.

— Объект...

— Под крышкой.

— Мне нужно зафиксировать положение...

Дюк подошел к нему ближе. Не вплотную. Достаточно.

— Сергеич, — сказал он уже не официально. — Посмотри на меня.

Руднев не сразу, но посмотрел.

— Не сегодня.

В этих двух словах было что-то старое. Не дружба. Не забота в простом смысле. Скорее след многих вечеров, когда Дюк уже вытаскивал его из мест, где Руднев слишком долго говорил себе «еще немного». И, возможно, не всегда успевал вовремя.

Руднев опустил взгляд первым.

Не сдался. Именно опустил взгляд — внутрь, туда, где уже не было ни Дюка, ни Анастасии, ни Ланского, ни лаборатории с ее пропусками, журналами и аварийными кнопками. Там оставалось только место над столом, которое на секунду стало восприимчивым. И мысль о том, что это случилось при них, при свидетелях, при человеке с камерой, но закончилось раньше, чем успело стать доказательством.

Анастасия увидела, как у него меняется лицо. Не выражение — способ присутствовать. Он больше не спорил с Дюком. Он уже спорил с тем, что сейчас может закрыться навсегда. Руднев стоял рядом с ними, но какая-то часть его продолжала смотреть на каменное кольцо под крышкой, на погасший график, на короткую тяжелую полсекунды, в которой мир наконец перестал быть только моделью.

— Пять минут.

— Нет.

— Дюк!

— Нет.

Ланской вышел в коридор первым. Почти послушно. Уже на пороге он остановился и оглянулся, но не на Руднева, а на центральный стол. Телефон оставался в кармане. Его рука дернулась к нему, остановилась, сжалась в кулак и разжалась.

Анастасия пошла следом. У двери она задержалась рядом с Дюком.

— Он правда не запустит снова? — спросила она негромко.

Дюк посмотрел на Руднева, потом на нее.

— При мне — нет.

Хуже всего было короткое «при мне».

В коридоре воздух казался слишком легким. После лаборатории он почти царапал горло своей обычностью. Ланской стоял у стены, наклонив голову, будто слушал что-то за дверью. Анастасия прислушалась тоже. Внутри Руднев закрывал программы, двигал стул, проверял замки боксов. Обычные звуки. Человек возвращал комнате порядок.

Дюк вышел последним. Дверь за ним закрылась с электронным шелчком. Он приложил карту. Красный огонек мигнул, потом стал постоянным.

— До утра никто не войдет, — сказал он.

— Кроме вас? — спросила Анастасия.

— Кроме меня.

— А он?

Дюк не ответил. Просто убрал карту на пояс.

— А выйти?

— Изнутри выйдет кто угодно.

Ланской достал телефон. Не включая камеру, только посмотрел на черный экран, где отразилось его лицо. Потом нажал кнопку питания. Экран загорелся. Несколько уведомлений. Время. Значок записи отсутствовал.

Он посмотрел на Анастасию.

— Я не снимал.

— Знаю.

— Жалею.

Она не нашла, что сказать. Честность Ланского иногда была хуже лжи, потому что не просила прощения.

Дверь лаборатории оставалась закрытой. За ней — стол, кольцо под крышкой, приборы, график с маленькой полосой шума после отключения. Снаружи все снова было коридором нижнего уровня университета: белые панели, указатель выхода, служебный свет, резиновый запах грузового лифта где-то дальше.

— Идем, — сказал Дюк.

Он сделал два шага к лифту.

И тогда из-за двери снова пришел звук.

Сначала его можно было принять за движение вентиляции или за дальний гул грузового лифта в шахте. Коридорные стены умели собирать такие шумы и отдавать их не там, где они возникли. Но лифт стоял. Индикатор над дверями не горел. Вентиляция звучала выше, суше, привычнее.

Этот звук был ниже.

Металл тянули где-то далеко и медленно, с усталым скрежетом, будто цепь проходила по камню так глубоко, что здание не могло решить, слышит оно это или вспоминает.

Дюк остановился.

Ланской сразу посмотрел на дверь.

— Он включил?

Дюк уже шел обратно. У него дернулась челюсть.

— Не должен был.

— Но включил?

Дюк не ответил. Он приложил карту к считывателю. Красный огонек мигнул и сменился зеленым.

Лаборатория была освещена обычным белым светом. Мониторы ничего не показывали: в черном стекле дрожали только лампы. Пульт не горел. На стойках не мигали рабочие индикаторы. Установка не была включена, никакая система не ожила тайно, не нашлось удобного сбоя, за который можно было бы ухватиться.

Руднев стоял у центрального стола.

Не у пульта. Не у клавиатуры. Даже не рядом с аварийной кнопкой. Он стоял в двух шагах от прозрачной крышки над каменным кольцом, чуть сгорбившись, будто его позвали слишком близко, а потом он понял, что звать было некому.

Он повернулся к двери.

— Я ничего не делал, — сказал он.

В его голосе не было защиты. Это и было страшно. Руднев не оправдывался перед Дюком, не готовил формулировку для комиссии, не пытался вернуть себе право руководить сценой. Он сообщал факт, который сам не мог выдержать.

— Отойти от стола, — сказал Дюк.

Руднев сделал шаг назад сразу. Потом еще один. Послушно, почти неуклюже. Очки съехали ниже обычного; он поднял руку, чтобы поправить их, но остановил пальцы у переносицы и опустил.

— Я ничего не включал, — повторил он.

— Вижу.

Дюк вошел первым. Не к столу — между столом и людьми. Так же, как входил в любую опасную комнату: сначала вес тела, потом оценка углов, потом уже слова. Анастасия осталась у порога. Ланской стоял за ее плечом, слишком тихий.

Воздух над центральным столом не светился и не темнел. Если смотреть прямо, там почти ничего не было: лаборатория продолжалась, как должна была продолжаться, — шкафы, стена, край акустической панели, белая труба под потолком. Но взгляд не мог пройти это место ровно. Между столом и стеной появилось расстояние, которого раньше не было.

Тонкое. Почти вежливое.

Как щель в хорошо покрашенной стене, которую замечаешь только потому, что из нее тянет холодом.

Руднев стоял сбоку, бледный, с рукой, повисшей у бедра.

— Оно само, — сказал он.

Никто не ответил.

Звук продолжался за обычным лабораторным воздухом. Он не принадлежал приборам, потому что приборы молчали. Не принадлежал зданию, потому что здание не могло быть таким глубоким. Он шел оттуда, где расстояние над столом стало чуть больше, чем позволяла комната.

Ланской первым сдвинулся с места — только на полшага вглубь, как будто хотел лучше рассмотреть. Анастасия пошла следом почти машинально. Дверь за их спинами закрылась не сразу — с тихой задержкой.

Анастасия почувствовала на языке слабый привкус холодной пыли.

Дюк медленно поднял ладонь, останавливая их у порога.

На этот раз это не был эксперимент. Не демонстрация. Не процедура, которую можно закрыть доступом, протоколом или чужой рукой на плече профессора.

На этот раз реальность изменилась без разрешения.

Глава 4. Брешь

Дюк держал ладонь поднятой.

Не высоко, не театрально. Просто поставил руку между ними и тем местом над столом, где лаборатория перестала совпадать сама с собой. Жест был почти бытовой: подождите, не входите, здесь мокрый пол, здесь стекло, здесь что-то, обо что можно разрезать ладонь. От этого становилось хуже. Если бы он закричал или оттолкнул их грубо, происходящее получило бы форму опасности. А так оно оставалось комнатой.

Белые лампы горели ровно. План эвакуации на стене висел там же. Чехол с одного монитора соскользнул чуть ниже по спинке стула, но не упал. Пластиковая коробка с запасными кабелями стояла под столом, прозрачная, с наклейкой «USB / датчики / прочее». Все предметы оставались на своих местах, как свидетели, которым приказали не менять показаний.

Над центральным столом было расстояние.

Анастасия пыталась смотреть не прямо в него, а рядом. На край акустической панели, на белую трубу под потолком, на вертикальную стойку лампы. Стоило взгляду попасть в середину, и привычная работа зрения ломалась. Комната продолжалась, но не сразу. Между тем, что было здесь, и тем, что должно было быть за столом, вставили тонкий слой чужой глубины. Почти прозрачный, почти бесцветный. Он был замечен не цветом, а отказом подчиняться.

Звук шел оттуда.

Металл тянули медленно, с усилием. Не рвали, не били, не бросали. Тянули так, как тянут тяжелую цепь через каменный желоб, если делают это давно, устало и без надежды когда-нибудь закончить. В этом звуке не было угрозы, направленной на них. Он был страшен именно потому, что не нуждался в них. Он существовал сам по себе, где-то дальше, глубже, за тонкой ошибкой воздуха.

Руднев стоял у стола сбоку. Он отступил, как приказал Дюк, но отступил только телом. Лицо его оставалось повернутым к неправильному месту с такой жадной неподвижностью, что Анастасии захотелось встать между ним и столом. Не защитить. Закрыть обзор.

— Выходим, — сказал Дюк.

Ланской сделал шаг назад первым. На этот раз без реплики. Он уже понял, что реплика здесь уменьшит его самого. Но рука у него снова оказалась возле внутреннего кармана.

— Максим, — сказала Анастасия.

Он посмотрел на нее быстро, почти виновато, и убрал руку. Потом снова опустил взгляд. Не на стол — на свой карман, как человек, который оставил там не телефон, а часть себя.

— Выходим, — повторил Дюк.

Руднев не шелохнулся.

— Подождите...

Слово вышло у него сухим. Не просьба. Остаток прежнего распоряжения, которому уже не хватало власти.

Дюк повернул голову.

— Нет.

— Оно стабилизируется.

— Оно не должно было появиться.

— Именно поэтому нельзя просто уйти.

— Именно поэтому надо уйти.

Руднев поднял руку к очкам и наконец поправил их. Пальцы дрожали мало, почти незаметно; только дужка не сразу попала на место. Он выпрямился. Попытался вернуть себе рост, голос, пульт, лабораторию, все, что еще можно было назвать своим.

— Дюк Андреевич, если мы сейчас покинем помещение, мы потеряем единственную возможность зафиксировать параметры. Система выключена. Внешнего воздействия нет. Это спонтанная реакция объекта или остаточное поле после процедуры. Любая комиссия потом спросит, почему мы не сделали первичную фиксацию.

— Комиссия потом много о чем спросит, если я сейчас ошибусь, — сказал Дюк.

Руднев открыл рот и закрыл. На секунду его лицо стало почти обиженным. Не потому, что Дюк был неправ. Потому что тот выбрал слишком простую формулировку и тем самым сделал все научные слова рядом с ней лишними.

Анастасия стояла у порога и чувствовала, как холодная пыль на языке становится отчетливее. Она провела языком по внутренней стороне зубов. Привкус не исчез. Он не был запахом лаборатории, резины или выключенной техники. Он будто пришел из места, где камень стерли в порошок и долго держали в закрытой ладони.

— Виктор Сергеевич, — сказала она.

Руднев посмотрел на нее с раздражением человека, которого отвлекают от единственного настоящего.

— Вы слышите звук? — спросила она.

— Разумеется.

— Нет. Не просто слышите. Вы его узнаете?

Он хотел ответить сразу. Видно было, как ответ уже поднялся в нем готовой, гладкой фразой: звук может ассоциативно напоминать, человеческое восприятие достраивает, акустика помещения искажает низкие частоты. Но фраза не вышла.

Руднев снова посмотрел на стол.

— На лекции, — сказала Анастасия, — вы говорили о весе.

Ланской поднял глаза.

Дюк не обернулся, но плечи у него стали жестче. Он понял, что разговор пошел не туда, куда нужно в опасной комнате. Может быть, Анастасия тоже это поняла, но слово уже было произнесено. Вес. Оно упало между ними и осталось лежать.

Звук за воздухом стал ниже.

Не громче. Ни один прибор не дрогнул, стекла не завибрировали, лампы не мигнули. Но у Анастасии на секунду заложило уши, как в лифте, который начал движение раньше, чем двери успели закрыться. Пол под ногами не сдвинулся. Сдвинулось отношение тела к полу. Колени сами чуть согнулись, будто ожидали толчка.

Дюк сделал шаг назад, не отступая от стола, а увеличивая расстояние между неправильным местом и людьми у порога.

— Все за дверь. Сейчас.

— Дюк, — сказал Руднев. — Не дави голосом на ситуацию, которую ты не понимаешь.

— Я не на ситуацию давлю.

— Тогда на кого?

— На тебя.

Анастасия почти увидела, как эта короткая фраза дошла до Руднева не сразу. Он слушал не Дюка. Он слушал звук. Металл где-то там тянули уже без пауз. Скрежет стал непрерывным и странно далеким, хотя исходил из воздуха в двух метрах от них.

Ланской тихо выдохнул.

Анастасия повернула голову.

Телефон был у него в руке.

Он не держал его высоко. Не направлял демонстративно. Экран смотрел вниз, но на темном стекле уже двигались маленькие отражения лабораторных ламп. Большой палец лег на боковую кнопку. Ланской даже не смотрел на экран — он смотрел на стол, а тело делало привычную работу отдельно от него.

— Убери, — сказал Дюк.

Ланской вздрогнул. Не сильно. Как человек, которого поймали не за преступлением, а за рефлексом.

— Я не снимаю.

— Убери.

— Он выключен.

— Я не проверяю. Я говорю.

Ланской медленно опустил телефон. На этот раз в карман не сунул. Просто зажал в кулаке, экраном к ладони. Анастасия вдруг подумала, что даже сейчас он не до конца понимает, что именно делает. Для него телефон был не выбором, а продолжением руки. Как у Дюка — поднятая ладонь. Как у Руднева — взгляд, который не мог оторваться от ошибки над столом.

Неправильное расстояние стало плотнее.

Воздух не разошелся, не открылся красивым кругом и не дал краев, за которые можно было бы ухватиться взглядом. Просто середина комнаты начала вести себя так, будто за ней есть еще одна середина. Линии акустической панели потянулись внутрь и остались на месте одновременно. Белая труба под потолком продолжалась ровно, но ее продолжение уходило дальше, чем позволяла стена. Тень от стойки лампы легла в сторону, где не было пола.

Анастасия моргнула.

Когда она открыла глаза, там появился цвет.

Он не светился и не исходил наружу. Цвет лежал внутри складки, как синяк под кожей, который еще не проступил полностью, но уже изменил все вокруг. Черно-багровая толща, неровная, без поверхности. Если смотреть прямо, она казалась слишком близкой. Если смотреть чуть мимо — уходила дальше, чем могла уйти любая лаборатория.

Руднев прошептал:

— Получилось.

Дюк услышал.

Он не сказал ничего. Просто пошел к Рудневу.

Быстро. Не бегом, потому что в тесном помещении бег разрушает контроль. Два тяжелых шага, плечо чуть вперед, рука уже готова не хватать, а сдвигать. Руднев не сопротивлялся, когда Дюк схватил его за предплечье и потянул от стола. Сопротивление пришло только через секунду, когда тело Руднева уже двигалось, а взгляд все еще оставался там.

— Отпусти!

— Нет.

— Ты не имеешь права!

— Потом расскажешь.

На последнем слове голос Дюка натянулся, как ремень под весом, и скрипнул.

Дюк оттолкнул его к двери. Не грубо, но так, что Руднев оказался ближе к Анастасии и потерял равновесие. Анастасия поймала его за локоть. Ткань пиджака была сухая и дорогая, но локоть под ней оказался неожиданно костлявым. Руднев оперся на нее на мгновение и тут же выдернул руку, будто сама необходимость опоры была унижением.

— Вы не понимаете, — сказал он.

— Сейчас это ваш лучший аргумент, — сказала Анастасия.

Она произнесла это почти спокойно и сама удивилась. Спокойствие не было настоящим. Оно было узкой доской над провалом: пока говоришь ровно, можно пройти еще один шаг.

Дюк уже снова повернулся к столу.

— Дюк, — сказала она.

Он поднял ладонь, не оборачиваясь.

На этот раз жест был другим. Не «стойте». «Не мешайте».

Внутри черно-багровой складки что-то сместилось. Не фигура. Не лицо. Скорее отсутствие согласия. Анастасия вдруг поняла, что до этого все еще ждала, что оттуда появится что-то понятное: рука, тень, животное, человек, доказательство. Но внутри не было предмета. Там было место, где предметы могли не удерживаться.

Дюк подошел к краю стола и остановился. Не слишком близко. Так, чтобы между ним и складкой оставался край столешницы, прозрачная крышка с каменным кольцом, несколько кабелей и весь его опыт человека, который привык измерять опасность расстоянием.

— Что ты видишь? — спросил Руднев.

Вопрос вылетел раньше, чем он успел украсить его научностью.

Дюк не ответил.

— Дюк, что там?

— Тихо.

— Мне нужно знать.

— Тебе нужно выйти.

Руднев сделал шаг вперед. Анастасия удержала его за рукав. На этот раз он не выдернулся сразу. Возможно, не заметил.

Ланской стоял за ней, почти прижавшись плечом к дверному косяку. Телефон снова был у него в руке. Но теперь экран горел.

Анастасия увидела это боковым зрением: маленький прямоугольник света, направленный вниз, с красной точкой в углу интерфейса. Он снимал. Не высоко, не красиво, почти случайно. Ладонь дрожала так, что кадр должен был плавать. Но запись шла.

Она хотела сказать. Не успела.

Складка над столом дернулась внутрь.

Дернулось не пространство, а все, что привыкло считать себя пространством. Стол на мгновение стал длиннее. Крышка над каменным кольцом вытянулась, как отражение в мокром стекле. Дюк качнулся вперед и тут же перенес вес назад. Он не успел испугаться лицом. Его тело просто приняло новую информацию и попыталось поставить себя иначе.

Край столешницы поехал к нему.

Или Дюк к нему.

Разницы на секунду не было.

Он ухватился за металлическую стойку, на которой крепился датчик. Стойка выдержала. Потом согнулась не в месте крепления, а посередине, хотя так не должна была гнуться. Дюк выругался коротко, без адреса. Руднев рванулся к пульту, но Дюк успел повернуть голову.

— Не трогай!

— Я могу попробовать!

— Ты уже попробовал.

— Дюк, пусти меня к пульту!

— Назад.

Дюк ударил ладонью по столу. Не по прибору, не по пульту — просто по поверхности, чтобы остановить и Руднева, и себя, и весь идиотский разговор о том, что еще можно попробовать. Звук удара вышел глухим. Стол будто на секунду стал тяжелее.

Черно-багровая глубина ответила.

Из нее пришел другой звук. Не цепь. Низкий влажный вдох, слишком большой для любого живого существа и слишком человеческий, чтобы быть просто воздухом. Лампы продолжали гореть. На мониторе, который был выключен, на секунду появилось отражение не комнаты, а вертикального темного ребра, уходящего вверх. Анастасия увидела его и тут же потеряла. Может быть, этого не было. Может быть, экран просто поймал стойку под неправильным углом.

Но Ланской тоже увидел. Его телефон поднялся сам собой на несколько сантиметров.

Дюк больше не смотрел на Руднева. Он смотрел в складку, и в его лице впервые появилось не напряжение, а расчет без подходящих чисел. Он привык понимать, как ломают дверь, как падает человек, откуда приходит удар, чем пахнет пожар до сигнала тревоги. Здесь не было направления удара. Опасность не приближалась. Она меняла условие, при котором можно было стоять.

— Назад, — сказал он.

Анастасия отступила, потянув Руднева за собой.

Руднев пошел на полшага и остановился.

— Камера, — сказал он.

Анастасия не поняла.

— Что?

— Камера. Максим, вы снимаете?

Ланской побледнел.

— Нет.

Это была ложь, произнесенная слишком поздно.

Руднев повернулся к нему не весь, только лицом, и в этом повороте было больше злости, чем страха. У него наконец нашелся понятный враг. Человек с телефоном. Нарушение запрета. Свидетель, которого можно обвинить, если все пойдет не туда.

— Выключите.

— Виктор Сергеевич...

— Выключите сейчас же!

Дюк сделал шаг назад, не сводя взгляда со складки. Даже когда Руднев заговорил о камере, Дюк не повернул головы.

— С камерой потом разберемся.

— Нет, не потом! — Руднев сорвался на голос, и лаборатория сразу стала меньше. — Он не имеет права фиксировать незавершенную процедуру!

— Процедура закончилась, когда оно включилось само, — сказала Анастасия.

Руднев посмотрел на нее так, будто она ударила его при свидетелях.

И в эту секунду Дюк оказался не там, где стоял мгновение назад.

Не полностью. Сначала просто место, где он стоял, оказалось ближе к складке. Анастасия увидела не движение, а результат движения, которого не было. Дюк стоял у стола, держась за согнутую стойку. Потом его плечо оказалось внутри черно-багровой глубины на толщину ладони. Куртка сохранила свою форму, но уже не обводила тело правильно.

Дюк дернулся назад.

На этот раз страх появился у всех одновременно, но не криком. Ланской резко вдохнул. Руднев замолчал. Анастасия шагнула вперед раньше, чем успела решить.

— Дюк!

Он обернулся на ее голос. Не всем лицом — половиной, как в прошлый раз у лабораторного стола, когда еще можно было думать, что все ограничится предупреждениями. Глаза у него были ясные и злые. Не на нее. На ситуацию.

— Стоять! — сказал он.

Это было последнее слово, которое он произнес в комнате.

Это был не героический жест и не прощание, а приказ человека, которому больше нечем было удержать людей за спиной.

Складка потянула его. Его собственный вес будто выбрал другое направление. Пол под ним оставался горизонтальным, резиновым, чистым. Но тело Дюка начало падать туда, где пола не было. Он ударил ботинком по ножке стола, пытаясь найти опору, снес пластиковый зажим, тот отлетел и щелкнул по полу маленьким нелепым звуком. Анастасия бросилась к нему.

Пальцы успели схватить рукав куртки.

Ткань была грубая, теплая, настоящая. Это оказалось самым страшным. Не пелена, не звук, не невозможная глубина, а простая уверенность пальцев: она держит человека. Здесь. В комнате. За рукав, который пахнет мокрой улицей, металлом лифта и чем-то тяжелым, рабочим.

Дюк дернулся.

— Не!..

Слово не закончилось. Может быть, он хотел приказать не держать. Может быть, не подходить. Может быть, не отпускать. Анастасия никогда не узнает.

Руднев тоже схватил его — не за тело, за ремень. Поздно, неловко, с отвращением к собственной неловкости. На одну секунду они втроем стали цепью: Анастасия держала рукав, Руднев ремень, Дюк — согнутую стойку. Ланской стоял у двери с телефоном, поднятым уже открыто, и его лицо за экраном было белым, как у человека, который снимает аварию и понимает, что камера не спасает, но рука не опускается.

Складка углубилась.

Анастасия увидела за Дюком не пространство, а кусок другого порядка. Камень. Вертикальный, мокрый, слишком близкий. Тонкую багровую полоску где-то в глубине. Что-то похожее на цепь, уходящую вверх под невозможным углом. И еще — серое вытянутое движение, слишком плавное для падающей тени. Оно не приблизилось. Просто было там.

Потом рукав пошел из ее пальцев.

Она сжала сильнее. Ногти больно вошли в ладонь через ткань. Руднев вскрикнул — не громко, почти сдавленно. Ремень, за который он держался, лопнул или выскользнул. Дюк ударился плечом о край стола, прозрачная крышка над каменным кольцом треснула тонкой белой линией. Кольцо под ней не сдвинулось.

Дюк исчез не сразу.

Сначала ушло плечо. Потом половина груди. Потом лицо стало плоским, как отражение на согнутом металле. Он не кричал. В этом не было мужества; просто воздух уже не принадлежал ему. Анастасия держала рукав до последнего, пока ткань вдруг не выскользнула из пальцев, продолжая затягиваться маленьким островком в пучину.

Потом не осталось и этого.

Но складка не закрылась.

Она висела над столом, уже не такой глубокой, но все еще открытой. Черно-багровая толща стала тоньше, будто кто-то прикрыл ее изнутри, оставив узкий просвет. Звук цепи ушел дальше, но не оборвался. Он тянулся где-то в глубине, слабый, неровный, как дыхание за стеной.

Некоторое время никто не двигался.

Анастасия стояла у стола, наклонившись вперед, с пустой рукой. Пальцы продолжали держать форму захвата. Большой палец болел у основания. На ладони осталась красная полоса от собственной силы. Она смотрела в складку и никак не могла заставить пальцы разжаться.

Руднев стоял рядом на коленях.

Он, видимо, упал, когда ремень выскользнул из его рук. Очки слетели и лежали возле ножки стола. Без очков лицо у него стало слишком открытым, почти голым. Он смотрел не на место исчезновения Дюка, а на свои руки. На ладонях остались темные ворсинки от ремня и тонкая ссадина у основания пальца.

Ланской опустил телефон первым.

Не выключил. Просто опустил. Экран продолжал смотреть в пол. Красная точка записи мигала внизу, перевернутая, маленькая, упрямая.

— Верните его, — сказал он.

Голос у него был чужой. Не блогерский, не быстрый, не готовый к монтажу. Просто голос человека, у которого наконец отобрали зрителя внутри.

Руднев медленно поднял голову.

— Что?

— Верните его.

Ланской посмотрел на складку над столом. Она еще была там. Узкая, неровная, с темной багровой толщей внутри.

— Она же открыта, — сказал он. — Он только что был здесь. Сделайте что-нибудь.

Руднев нашел очки на полу, взял их, но не надел. Протер стекло пальцем, хотя оно не было грязным.

— Нужно восстановить параметры, — сказал он. — Нужно понять, на каком уровне произошло расхождение. Он стоял слишком близко к области. Дюк сам...

— Не продолжайте, — сказала Анастасия.

Он посмотрел на нее.

— Что?

— Не говорите сейчас, что он сам.

Руднев поднялся с пола. Медленно, неловко, но уже собирая себя обратно. Позвонки возвращались на место один за другим. Голос еще дрожал, но в нем появлялись знакомые крепления.

— Анастасия, вы не понимаете протокол. Вмешательство Дюка Андреевича изменило условия. Если бы он не вошел в зону...

— Зону чего?

Руднев сжал очки в руке.

— Зону проявления.

— Вы только что придумали это название?

Он не ответил.

Ланской шагнул к столу.

— Он там.

Руднев резко повернулся к нему.

— Не подходите.

— Вы слышите? — Ланской показал на складку. Телефон в его руке дернулся вместе с пальцами. — Она еще открыта. Может, он там рядом.

— Отойдите от стола.

— Так верните.

Руднев посмотрел в складку.

И это было первое настоящее действие после исчезновения Дюка: не слово, не термин, не движение к пульту, а взгляд человека, который на секунду понял, чего от него требуют. Не доказать. Не объяснить. Не зафиксировать. Войти туда самому хотя бы настолько, насколько вошел Дюк. Протянуть руку в место, которое открылось при нем и взяло другого.

Черно-багровый просвет дрогнул.

Анастасия увидела, как Руднев сделал почти незаметное движение назад. Даже не шаг. Вес ушел на пятку. Тело решило раньше, чем лицо успело сохранить достоинство.

Складка стала уже.

— Виктор Сергеевич, — сказала она.

Он не ответил. Смотрел в просвет и держал очки в руке так крепко, что дужка чуть выгнулась.

— Делайте что-нибудь, — сказал Ланской.

Руднев поднял руку к пульту, но не дотронулся. Пальцы зависли над клавиатурой. Вся его прежняя точность, все аккуратные паузы, все слова про метод и дисциплину желания собрались в этом маленьком расстоянии между пальцами и кнопками.

Складка сжалась еще сильнее.

Звук цепи стал тонким, почти неслышным.

— Я должен понимать, что делаю, — произнес Руднев.

— Тогда понимайте быстрее, — сказала Анастасия. — Он еще там.

Он резко посмотрел на нее. Взгляд был злой, почти испуганный. Не на ее слова — на то, что они отняли у него последнюю аккуратную паузу.

Ланской сделал еще полшага.

— Он живой?

— Отойдите! — сорвался Руднев.

Голос ударил по лаборатории так резко, что Анастасия вздрогнула. Ланской остановился. В этот же момент черно-багровый просвет дернулся внутрь, будто кто-то с той стороны потянул за край.

Рука Руднева тряслась над пультом. Пальцы на мгновение поднялись выше, дальше от клавиш.

Складка захлопнулась.

Не красиво и не мгновенно. Сначала багровая толща истончилась до грязной линии, потом линия стала серой ошибкой в воздухе, потом обычная лабораторная перспектива вернулась на место: стол, стена, акустическая панель, белая труба под потолком. Звук цепи оборвался последним, с коротким металлическим всхлипом, от которого у Анастасии свело зубы.

Тишина упала не сразу. Она как будто несколько секунд собиралась с краев комнаты.

Руднев стоял у стола с поднятой рукой. Пальцы все еще не касались пульта.

Анастасия смотрела на это расстояние.

На пустоту между его рукой и клавишами.

Ланской тоже смотрел. Потом медленно поднял телефон и посмотрел на экран. Не на запись — на сам факт, что она существует. Нажал кнопку. Экран погас. В темном стекле отразилась лаборатория без Дюка.

— Вы дали ей закрыться, — сказал он.

Руднев повернулся к нему слишком быстро.

— Что?

— Она была открыта.

— Вы мешали.

Слова вышли сразу, как воздух из прокола. В них еще не было стройной версии, только первый голый импульс.

— Что?

— Вы мешали мне работать. Вы ходили по лаборатории с камерой, отвлекали, лезли к столу, нарушали процедуру.

Ланской моргнул.

— Я стоял у двери.

— Вы снимали.

— Дюк исчез не из-за камеры.

— Вы не знаете, из-за чего он исчез! — Руднев наконец надел очки, и стекла сразу вернули его лицу прежнюю рамку. — Никто из вас не знает. А вы, вместо того чтобы соблюдать инструкции, превратили критический момент в съемку.

— Инструкций не было, — сказала Анастасия.

Руднев повернулся к ней.

— Потому что это не должно было произойти.

— Но произошло.

— И именно поэтому сейчас нельзя паниковать.

Он сказал это уже другим голосом. Не спокойным, а собирающим вокруг себя остатки порядка. Лаборатория снова начала получать названия: критический момент, процедура, параметры, паника. Слова ложились поверх пустого места, как сухие листья поверх пятна.

— Я верну его, — сказал Руднев.

Ланской смотрел на него.

— Как?

— Нужно восстановить конфигурацию. Найти точку расхождения. Зафиксировать данные, пока они не потеряны.

— Оно закрылось.

— Значит, можно открыть снова.

— Вы даже сейчас говорите не о нем, — сказала Анастасия.

Руднев побледнел и резко снял очки.

— Не смейте.

— Вы говорите о конфигурации.

— Потому что только через нее можно его вернуть!

Голос сорвался на последнем слове. На секунду в нем действительно прозвучал Дюк — не как человек, а как тяжелый аргумент, которым Руднев пытался закрыться от них обоих.

Он сделал шаг к Ланскому и указал на его карман.

— Запись удалите.

— Нет.

— Максим, подумайте головой. Вам никто не поверит. Никто. На записи будет непонятное искажение, технический сбой, человек, который подошел слишком близко к экспериментальному оборудованию, и вы с телефоном в руке. Вы правда хотите объяснять полиции, почему снимали, когда нужно было помогать?

Ланской не ответил.

Руднев повернулся к Анастасии.

— А вы? Что вы скажете? Что видели портал, трещину в реальности? Что охранника затянуло в другое место? Что я должен был прыгнуть следом? Вы понимаете, как это будет звучать?

Анастасия молчала.

— Все, кто сейчас выйдет отсюда с красивой правдой, — продолжил Руднев, — станут соучастниками несчастного случая, который не смогут объяснить. И тогда Дюка Андреевича уже точно не вернут. Потому что лабораторию закроют, оборудование изымут, запись объявят монтажом, а нас троих разнесут по разным кабинетам, где каждый начнет спасать себя.

Он вдохнул.

— Поэтому никто не выходит с этим наружу, пока я не восстановлю последовательность.

Анастасия посмотрела на место над столом.

Там уже ничего не было.

И именно это ничего теперь занимало место. Воздух снова стал воздухом. Перспектива исправилась. Стена была стеной, панель — панелью, труба — трубой. Но комната не вернулась. Она только приняла прежний вид, как человек после удара принимает нормальное выражение лица и от этого кажется еще более избитым.

Анастасия посмотрела на стол. Прозрачная крышка над каменным кольцом треснула от края к середине. Тонкая белая линия прошла почти точно по окружности отверстия и остановилась там, где камень внутри казался темнее. Само кольцо лежало неподвижно. Черная подкладка под ним чуть смялась. Кабели вокруг сохранили аккуратные изгибы. Один пластиковый зажим валялся на полу возле ее ботинка.

Она подняла его машинально.

Маленькая вещь. Белый пластик. На боку номер маркером. То, за что пальцы могли ухватиться без риска потерять форму мира.

— Надо вызвать помощь, — сказала она.

Руднев резко повернулся.

— Какую?

Вопрос был слишком быстрым.

— Полицию. Скорую. Службу безопасности. Кого угодно.

— И что вы скажете?

— Правду.

Руднев почти улыбнулся. Улыбка не получилась, только дернулся угол рта.

— Какую именно?

Анастасия посмотрела на него. Он уже возвращался. Не весь, не сразу, но возвращался туда, где слова можно ставить между собой и событием. Она видела, как он ищет формулировку, которая не будет полной ложью. Несчастный случай. Сбой оборудования. Самовольное проникновение в зону испытаний. Исчезновение без следов. Паническая реакция свидетелей. Психологический шок.

Ланской убрал телефон в карман. На этот раз застегнул молнию.

— На записи все есть, — сказал он.

Руднев посмотрел на карман.

— На записи нет ничего, что можно предъявить без контекста.

— Там человек исчез.

— Скажут, что на записи человек дергается в каком-то цифровом эффекте. Видео можно сгенерировать за пять минут. Ваше видео уничтожит расследование раньше, чем поможет ему.

Ланской моргнул. Аргумент попал. Не потому, что был честным. Потому что был похож на разумный.

— Тогда что делать? — спросил он.

Руднев вдохнул.

Вот сейчас, подумала Анастасия. Сейчас он должен сказать: закрываем доступ, вызываем людей, фиксируем все как есть, никого не отпускаем, не трогаем предметы. Простая взрослая последовательность действий. Не героическая. Не красивая. Достаточная, чтобы удержать хоть какой-то порядок после невозможного.

Руднев сказал:

— Нужно сначала сохранить данные.

Анастасия почувствовала, как внутри что-то холодно опустилось.

— Виктор Сергеевич.

— Если мы сейчас пустим сюда посторонних, они отключат все, изымут оборудование, нарушат положение объекта, уничтожат возможность понять, куда он...

Он не договорил. Слово «куда» оказалось слишком большим.

— Вы хотите продолжить? — спросила она.

— Я хочу вернуть Дюка Андреевича.

— Нет, — сказала она. — Сейчас вы хотите сохранить момент, в котором были правы.

Руднев побледнел.

На секунду в нем снова мелькнул тот человек с кафедры: очки, стакан воды, гладкий ответ, зал, который можно удержать паузой. Но кафедры не было. Воды не было. Зал исчез. Остались Анастасия, Ланской и пустое место возле стола.

— Вы не имеете права говорить со мной так, — произнес он.

— И это тоже не ответ.

Ланской смотрел то на нее, то на Руднева. В обычной ситуации он бы уже понял, где поворот сцены, где конфликт, кто сейчас даст сильную фразу. Сейчас он не успевал. Слишком многое было без монтажа.

Руднев надел очки.

Это простое движение изменило его лицо сильнее, чем все сказанное. Он снова получил стекло между собой и комнатой.

— Никто не выходит, — сказал он.

— Нет, — сказала Анастасия.

— Нам всем нужно успокоиться.

— Нет.

Руднев посмотрел на дверь. Потом на Ланского.

— Максим, вы понимаете, что если сейчас запись попадет куда-либо, вас первыми обвинят в фальсификации, вмешательстве, незаконной съемке, распространении материалов эксперимента...

— Эксперимента? — спросил Ланской.

Руднев замолчал.

Слово само сдало его. Еще час назад он поправлял Дюка: демонстрация, не эксперимент. Теперь «эксперимент» вернулся, потому что ответственность требовала более серьезного названия, а вина — более надежного укрытия.

Анастасия положила пластиковый зажим на край стола. Очень осторожно. Как будто громкий звук мог вернуть цепь.

— Дюк сказал, что до утра никто не войдет, кроме него, — произнесла она. — Карта у вас есть?

Руднев не ответил.

— Виктор Сергеевич.

— Нет.

— У кого есть доступ?

— У службы.

— Вы только что обошли блокировку и ручной журнал. Дюк это сказал. Кто еще может открыть?

Руднев смотрел на нее, и впервые за вечер она увидела не интеллектуальную защиту, не раздражение, не тщеславие. Простую, почти детскую злость на человека, который задает вопрос, потому что ответ действительно важен.

— Я могу открыть, — сказал он.

— Тогда открывайте дверь и идем наверх.

— Сначала данные.

Ланской тихо сказал:

— Он не будет его возвращать.

Руднев резко повернулся.

— Замолчите.

— Не будет, — повторил Ланской, уже не ему, а Анастасии. — Он будет доказывать, что это можно вернуть.

Руднев сделал к нему шаг. Ланской отступил к двери, но не поднял руки, не улыбнулся, не спрятался за шутку. В нем тоже что-то треснуло, и за привычной легкостью показалась неприятная пустота, еще не опасная, просто открытая.

— Вы вообще понимаете, что сейчас произошло? — сказал Руднев.

— Нет, — ответил Ланской. — Поэтому и не вру, что понимаю.

Руднев остановился.

В комнате стало слышно дыхание. Анастасия поняла, что самое громкое — ее собственное. Не потому, что она дышала часто; наоборот, слишком медленно, с усилием, будто каждое движение грудной клетки нужно было делать вручную.

Над столом ничего не было.

Пустота стала ровной, почти аккуратной. От этого легче не стало. Там, где только что был край, теперь не осталось даже ошибки, за которую можно было бы зацепиться взглядом.

Руднев подошел к пульту.

Анастасия шагнула следом.

— Не трогайте.

— Я сохраняю данные.

— Не трогайте ничего.

— Это моя лаборатория.

— Здесь исчез человек.

Он замер с рукой над клавиатурой. Пальцы зависли в воздухе. Почти так же, как раньше, когда приборы еще играли сами.

— Если вы сейчас начнете что-то менять, — сказала Анастасия, — это уже будет не ошибка.

Пальцы над клавиатурой чуть разошлись. Он ничего не нажал.

Он не согласился. Не признал. Просто понял, что при них действие будет называться слишком точно.

Ланской стоял у двери. Лицо у него стало серым от лабораторного света. Он прислушивался к коридору, но там было тихо. Ни шагов, ни грузового лифта. Университетский нижний уровень вдруг оказался слишком пустым для здания, где еще недавно были люди, лекция, мокрые куртки, лестницы, разговоры.

Анастасия посмотрела на место перед столом.

Ей казалось, что если смотреть достаточно долго, там снова появится дефект. Маленькая складка, холод, звук, что угодно. Случившееся должно было продолжиться хотя бы чем-нибудь. Но воздух оставался ровным.

— Дюк? — сказала она.

Имя прозвучало странно, будто она проверила им помещение.

Никто не ответил.

Ланской поднял руку к карману, но не достал телефон. Только прижал ладонь к груди, туда, где под тканью лежала запись.

Анастасия перевела взгляд на каменное кольцо. Оно лежало под треснувшей крышкой. Рядом тянулся кабель. На мониторе застыла программа. Пульт оставался повернут к ладони Руднева.

Несколько минут назад все это привело к исчезновению человека.

Теперь все снова было оборудованием.

Под потолком мягко включилась вентиляция.

Глава 5. Правильная формулировка

Охранника не было.

Некоторое время это оставалось не событием, а неправильной расстановкой предметов. Стол стоял, крышка над каменным кольцом треснула, кабели лежали на своих местах, пульт был повернут под углом к ладони Руднева. Белая труба под потолком, акустическая панель, коробка с запасными проводами — все продолжало подтверждать лабораторию так настойчиво, будто именно это могло исправить отсутствие человека.

Анастасия смотрела на место возле стола и ждала, прислушиваясь к двери.

Та должна была открыться. Из коридора должны были донестись быстрые шаги, чей-то голос, ругань, требование освободить проход. На одном из экранов могла вспыхнуть ошибка. Мог сработать сигнал. Дюк мог вернуться, раздраженно провести ладонью по плечу куртки и сказать Рудневу что-нибудь короткое, будничное.

Или за скрытым стеклом должен был прозвучать смех. Грубый, виноватый. Затем объяснение: пранк, технический трюк, запоздалая демонстрация — слишком опасная и слишком глупая, но все же принадлежащая людям.

Ничего не происходило.

Руднев стоял с поднятой рукой у пульта. Пальцы зависли над клавишами, и это маленькое расстояние теперь казалось главным предметом в комнате. Он мог нажать. Мог отойти. Мог сказать, что именно они сейчас будут делать. Но рука оставалась в воздухе, а лицо все еще держало ту собранность, которая уже не помогала. Очки сидели чуть криво. Он этого не замечал.

Ланской первым сделал движение, похожее на действие. Он вытащил телефон из кармана, посмотрел на темный экран и нажал боковую кнопку. Лицо его отразилось в стекле на одну секунду — бледное, вытянутое, с чужим ртом. Потом экран ожил.

— Не включайте, — сказал Руднев.

Голос прозвучал слишком резко для комнаты, где только что исчез человек. Даже не резко — мелко. Как хлопок дверцы шкафа в доме, где уже рушится перекрытие.

Ланской не поднял головы.

— Я смотрю запись.

— Выключите.

— Я должен понять, что там видно.

Руднев опустил руку от пульта. Медленно, будто не хотел показывать, что все это время она была бесполезна.

— Максим, сейчас не время.

— А когда?

Вопрос вышел без вызова. От этого он попал сильнее. Ланской держал телефон обеими руками. Большие пальцы дрожали и никак не попадали туда, куда нужно. На экране мелькнул фрагмент лаборатории: стол, темный провал складки, плечо Дюка, прыгающая рамка, белый всплеск света от лампы. Из динамика донесся короткий скрежет, потом звук провалился в цифровой хрип.

Анастасия шагнула ближе.

Ланской не отстранился. Он сам повернул экран так, чтобы она видела.

Кадр был плохой. Не потому, что Ланской плохо снимал, а потому, что само изображение не хотело оставаться изображением. Лаборатория дергалась, будто телефон пытался поймать фокус на стекле под водой. Дюк стоял у стола. Его плечо входило в черно-багровую толщу. Потом запись прыгнула вниз — рука Ланского дрогнула. В кадре оказались ботинки, край стола, Анастасина рука, вцепившаяся в рукав. Звук порвался. На секунду стало слышно только

тяжелое дыхание того, кто снимал. Потом — голос Дюка, обрубленный на первом слоге, и крик, не похожий на крик, скорее на воздух, вырванный из груди.

Ланской остановил запись.

В тишине телефон продолжал светить ему в лицо снизу. Так освещают не человека, а вещь, которую нашли в подвале.

— Там видно, — сказал он.

Руднев подошел слишком быстро.

— Дайте.

Ланской прижал телефон к себе.

— Нет.

— Я должен посмотреть.

— Вы смотрите отсюда.

— Не ведите себя как идиот.

Ланской поднял глаза. В них еще не было настоящей злости, только испуг, который искал форму и нашел ближайшую.

— Дюк исчез у вас в лаборатории.

Руднев дернулся так, будто фраза физически задела его.

— У меня в лаборатории произошел сбой.

— Человек исчез.

— Мы не знаем, что произошло.

— Я видел.

— Вы видели искажение.

— Я держал телефон. А она держала его за рукав.

Руднев повернулся к Анастасии. Не всем телом — лицом, как раньше у стола, когда еще пытался сохранить главный угол сцены за собой.

— Вы понимаете, что он делает?

Анастасия посмотрела на телефон в руках Ланского, потом на пустое место у стола.

— Смотрит единственное, что осталось.

— Единственное, что осталось, — сказал Руднев, — это данные установки.

Он произнес это уверенно и сразу же сам услышал, как фраза прозвучала. В комнате что-то изменилось. Не свет, не воздух, не температура. Просто между словами «человек» и «данные» стало слишком много расстояния, и все трое на секунду оказались по разные стороны от него.

Руднев вдохнул. Пальцы легли на дужку очков.

— Я не так сказал.

— Вы сказали быстро, — ответила Анастасия.

Он снял очки и начал протирать стекло краем салфетки, которой в лаборатории до этого не было видно. Возможно, она лежала у него в кармане. Возможно, он достал ее машинально, как достают ключ, когда нечем занять руку.

— Сейчас любая неточная формулировка опасна, — сказал он уже ниже. — Мы все в шоке. Поэтому именно сейчас нельзя принимать решения из паники.

— Тогда примите решение не из паники, — сказала Анастасия. — Вызовите службу безопасности.

— И что они сделают?

— Откроют журнал доступа. Зафиксируют помещение. Вызовут полицию.

— Полицию, — повторил Руднев.

Он не усмехнулся. Было бы легче, если бы усмехнулся. Вместо этого он посмотрел на дверь лаборатории, как будто за ней уже стояли люди в форме, камеры, чужие руки на прибо-

рах, протоколы, страницы, в которых все происшедшее станет набором подозрительных действий.

— Человек пропал, — сказала Анастасия.

— Человек оказался в зоне проявления.

— Это не ответ.

— Это рабочее обозначение.

— Рабочее для кого?

Он снова надел очки. Они теперь сидели ровно.

— Для тех, кто будет возвращать Дюка Андреевича.

Ланской коротко выдохнул.

— Вы знаете как?

Руднев повернулся к нему.

— Я знаю, с чего начать.

— Это не одно и то же.

— Для человека с телефоном — возможно. Для исследователя — это единственное, что отделяет действие от истерики.

Ланской опустил взгляд на телефон. Экран уже потускнел, но запись оставалась открытой. На стоп-кадре Дюк был размыт: половина фигуры в лаборатории, половина в неправильной глубине. Если смотреть бегло, можно было принять это за дефект камеры, за неудачную экспозицию, за монтаж, за все, что Руднев сейчас мог бы сказать вслух и, может быть, уже говорил про себя.

— Я сделаю копию, — сказал Ланской.

Руднев не ответил сразу. Он стоял слишком неподвижно.

— Нет.

— Сделаю.

— Максим, послушайте меня внимательно. Если эта запись окажется где-либо вне этой комнаты, первым вопросом будет не «куда исчез Дюк Андреевич». Первым вопросом будет: почему вы снимали? Вторым — почему не остановили? Третьим — что вы сделали с файлом до передачи? Дальше будут эксперты, журналисты, идиоты в комментариях, служебная проверка, обвинения, и через сутки уже никто не будет искать человека. Все будут спорить о подлинности ролика.

Ланской смотрел на него с той болезненной внимательностью, с какой смотрят на человека, говорящего неприятную правду не из честности, а потому что она выгодна.

— Значит, надо скрыть?

— Надо не разрушить единственную возможность разобраться.

— Вы хотите запись.

— Да.

— Чтобы разобраться?

— Да.

— А потом?

Руднев молчал.

Телефон в руках Ланского медленно развернулся экраном к груди. Жест был почти детским: спрятать то, что могут отнять.

Анастасия посмотрела на дверь. Снаружи было тихо. Внизу, на лабораторном уровне, тишина всегда звучала иначе, чем наверху: плотнее, с примесью вентиляции, отдаленного электрического гула и той закрытости, которая раньше казалась служебной. Теперь это была тишина места, где отсутствие свидетелей вдруг стало обстоятельством.

— Мы должны выйти, — сказала она.

— Никто не выходит, пока мы не зафиксируем состояние установки.

— Вы уже это говорили.

— Потому что это по-прежнему верно.

— Нет. С каждым разом это звучит хуже.

Руднев посмотрел на нее. Усталость вокруг глаз стала резче; лицо держалось, но кожа под очками уже выдавала ночь, возраст, страх, все то, что в лекционном свете можно было спрятать за паузой.

— Вы сейчас хотите простого действия, — сказал он. — Позвонить. Открыть дверь. Назвать случившееся преступлением или несчастным случаем. Передать ответственность наружу. Это понятно. Это человеческая реакция.

— Не говорите со мной как с пациенткой.

Он замолчал.

Фраза оказалась слишком точной не потому, что была оскорбительной, а потому что он действительно выбрал интонацию врача у кровати. Осторожную, снисходительную, почти мягкую. Такой голос не спорит с человеком; он снижает его статус до состояния.

Ланской поднял голову. На секунду телефон перестал быть главным.

— Я ухожу, — сказал он.

Руднев сразу повернулся к двери.

— Нет.

— Я не спрашиваю.

— Вы не понимаете последствий.

— Я понимаю, что, если останусь здесь, вы уговорите меня отдать запись.

Руднев сделал шаг к нему. Анастасия встала между ними раньше, чем успела решить. Тело сработало поздно, но точно: не как защита Ланского, а как остановка того, что могло стать еще одной ошибкой.

Руднев посмотрел на нее сверху вниз. Не потому, что был намного выше; просто в этом взгляде он снова пытался вернуть кафедру, лабораторию, право объяснять.

— Отойдите.

— Не подходите к нему.

— Я не собираюсь...

— Вы уже подошли.

Они стояли так несколько секунд. За спиной Анастасии Ланской дышал слишком быстро. Она чувствовала его присутствие не как поддержку, а как источник непредсказуемого движения: он мог рвануть к двери, мог включить запись, мог начать кричать, мог сделать именно то, что Руднев потом назовет причиной всего.

Руднев первым отвел взгляд.

— Хорошо, — сказал он. — Мы выйдем наверх. Спокойно. Без разговоров в коридоре. Я закрою лабораторию, сохраню данные и утром вызову Дюка Андреевича по внутренним каналам.

— Вызовете? — спросила Анастасия.

Слово легло на стол рядом с треснувшей крышкой.

Руднев не сразу понял, что сказал.

— Проверю его местонахождение, — поправился он.

— Его нет.

— Вы не знаете этого.

— Я знаю, что он был здесь.

— И я знаю, — сказал Руднев резко. — Поэтому хватит говорить так, будто я пытаюсь сделать вид, что ничего не произошло.

Анастасия посмотрела на его руки. Правая снова лежала у дужки очков, левая сжимала край папки, которой он успел завладеть непонятно когда. Пальцы на папке держали ее так крепко, что картон прогнулся.

Он не делал вид, что ничего не произошло. В этом была проблема. Он делал другое: уже строил место, где произошедшее можно будет держать под замком, пока оно не станет управляемым.

Руднев подошел к пульту. На этот раз Анастасия не остановила его сразу. Он не тронул клавиши опыта, не включил мониторы, не попытался повторить последовательность. Он вставил в боковой порт маленький накопитель, который достал из ящика. На мониторе появилось окно копирования. Синие полосы шли слишком ровно.

- Что вы делаете? — спросила она.
- Сохраняю телеметрию.
- Вы меняете состояние системы.
- Я копирую журналы. Это не изменение.
- Это ваше слово.
- Это техническая реальность.
- Сейчас у вас все слова технические.

Руднев не ответил. Смотрел на полосу загрузки. Синяя линия доползла до конца, исчезла, появилась другая. В лаборатории стало слышно, как внутри системного блока работает вентилятор. Ровный, терпеливый звук машины, которая не знала, что стала свидетелем.

Ланской стоял у двери. Телефон он убрал в карман и теперь держал руку поверх ткани, прижимая его к бедру. Его лицо менялось неровно: страх, расчет, стыд, снова страх. В какой-то момент он повернулся к пустому месту у стола и почти незаметно поднял телефон через ткань, как человек, который хотел бы снова снять, но уже не знает, что именно.

- Там звук пропал, — сказал он.
- Анастасия посмотрела на него.
- На записи. Когда его затянуло. Как будто микрофон не смог взять.
- Достаточно, — сказал Руднев.
- Ланской продолжил, глядя не на него, а на пол.
- Но перед этим слышно цепь.

Вентилятор системного блока вдруг стал громче. Или Анастасия просто начала слышать его как цепь. Она провела ладонью по рукаву жакета. Ткань была сухая, плотная, знакомая. На пальцах все еще стояло ощущение рукава Дюка — другой ткани, тяжелой, рабочей. Она сжала руку в кулак, чтобы убрать это ощущение, но оно не ушло. Просто стало внутренним.

- Руднев вынул накопитель.
- Выходим.
- А лаборатория? — спросила Анастасия.
- Я закрою.
- Нужно оставить все как есть.
- Именно поэтому я ее закрою.

Он подошел к треснувшей крышке над каменным кольцом, наклонился и посмотрел на повреждение. Не дотронулся. Это было почти умное решение, и оттого раздражало сильнее. Он уже понимал, какие жесты выглядят плохо при свидетелях.

- Крышку тоже не трогайте, — сказала Анастасия.
- Я слышал.
- Камень не убирайте.
- Руднев выпрямился.
- Вы отдаете мне распоряжения в моей лаборатории?
- Я перечисляю то, что потом не должно исчезнуть.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Потом взял со стола тонкий бумажный стикер, написал на нем номер и приклеил к краю бокса с каменным кольцом. Движение было почти демонстративно правильным.

— Так лучше?

— Нет.

Он едва заметно усмехнулся. В этой маленькой усмешке вернулся человек с лекции: тот, кто умеет выигрывать не спор, а ощущение спора. Но она уже видела его у складки без очков, с пустыми руками, и прежняя рамка больше не собиралась.

Они вышли из лаборатории не сразу. Руднев выключал только то, что мог выключить, не касаясь центральной установки. Мониторы погасли один за другим. Свет остался верхний, белый. Дверь открылась с коротким электронным щелчком. Коридор за ней был пустой.

Анастасия вышла первой. Не потому, что хотела вести, а потому что больше не могла стоять в комнате. Коридор встретил ее обработанным воздухом — слишком чистым. Раньше эта стерильность казалась подозрительной; теперь она казалась почти соучастием, потому что не оставляла следов. На стене висела ламинированная инструкция по эвакуации. Красная стрелка показывала к лестнице. Сейчас стрелка казалась единственным честным предметом: она хотя бы не притворялась, что знает больше одного направления.

Ланской вышел следом. Руднев задержался в дверях, оглянулся на лабораторию и выключил свет.

Пустое место исчезло вместе с остальными предметами.

Дверь закрылась. Электронный замок щелкнул. Руднев приложил карту еще раз, проверяя блокировку. На маленьком индикаторе загорелся красный свет. Он посмотрел на него чуть дольше, чем требовалось.

— Копию ключа кто-то еще имеет? — спросила Анастасия.

— Служба.

— Дюк был службой.

Руднев убрал карту в карман.

— Не только Дюк.

Это «не только» вышло слишком поздно, чтобы успокоить.

Они пошли по коридору к грузовому лифту.

У лифта Ланской остановился, достал телефон и быстро провел пальцами по экрану.

— Что вы делаете? — спросил Руднев.

— Пишу себе.

— Кому?

— Себе.

— Покажите.

Ланской поднял глаза.

— Нет.

— Максим.

— Я отправляю файл в облако, — сказал он.

Руднев ударил ладонью по кнопке вызова лифта. Кнопка уже горела.

— Вы с ума сошли?

— Возможно.

— Остановите.

— Поздно.

Это была ложь. Или правда. Анастасия не знала. Ланской тоже, кажется, не был уверен, достаточно ли быстро прошла загрузка. Экран отражался в его глазах маленькими белыми полосами. Он смотрел на индикатор отправки с такой молитвенной сосредоточенностью, что

на секунду стал похож не на человека с доказательством, а на человека, который бросил бутылку с запиской в темную воду.

Лифт пришел.

Двери разошлись. Внутри пахло тем же холодным металлом и резиной, только теперь к этому запаху прибавилось что-то от их собственной одежды: лабораторная пыль, страх, чужое дыхание. Руднев вошел первым, резко. Ланской — следом. Анастасия задержалась на пороге.

Ей показалось, что из конца коридора пришел скрежет.

Не громкий. Почти совпавший с движением лифтовых дверей. Металл где-то потянули медленно, далеко, под самым низом здания.

Она повернула голову.

Коридор был пуст. Красная стрелка на плане эвакуации показывала к лестнице. Лампы горели ровно. Никакой неправильной глубины, никакого багрового просвета. Только служебная стена, закрытая дверь лаборатории и красный индикатор замка.

— Анастасия, — сказал Ланской из лифта.

Она вошла.

Двери закрылись. Лифт пошел вверх с низким усилием, и несколько секунд все трое смотрели не друг на друга, а на матовую стальную створку. В ней отражались только общие пятна: плечо Руднева, лицо Ланского, ее косички у шеи, белая полоска верхнего света.

— Мы договоримся о формулировке, — сказал Руднев.

Ланской тихо засмеялся.

Смех был короткий, плохой, почти без воздуха.

— О формулировке.

— Да, — сказал Руднев. — Потому что формулировка — это разница между расследованием и истерикой.

— Между правдой и ложью тоже.

— Правда без формы не существует в общественном пространстве.

— Вы сейчас серьезно?

— Абсолютно.

Лифт остановился. Двери открылись на служебный коридор. Здесь было теплее, но здание уже почти закрылось: ровно шел воздух в вентиляции, где-то щелкал доводчик, за стеной один раз звякнули ключи. Здесь все звучало нормально и эта нормальность не знала, что внизу ее уже порвали. Несколько минут они шли обратно тем путем, которым спускались.

Анастасия поднялась и почти сразу почувствовала, что воздух наверху слишком легкий. После лабораторного уровня он казался несерьезным. Как будто здесь все еще можно было обсуждать расписание лекций, мокрые зонты, заказ такси, завтрашний кофе.

Руднев остановился в конце лестницы.

— Мы скажем, что Дюк Андреевич ушел после технического конфликта.

Анастасия медленно повернулась к нему.

— Что?

— Не в официальном заявлении. Если кто-то спросит сегодня. Дежурный, охрана, коллеги. Мы скажем, что возникла спорная ситуация по доступу, он вышел, мы разошлись. Утром я проверю камеры, журналы, свяжусь...

— Вы хотите сказать, что он ушел сам.

— Я хочу выиграть несколько часов.

— У кого?

Руднев посмотрел на нее, потом на Ланского. Его лицо устало от сопротивления, и в этой усталости появлялась новая жесткость: не сила, а готовность быть неприятным достаточно долго.

— У хаоса.

— Нет, — сказала Анастасия. — У правды.

Он дернул щекой.

— Не произносите это так, будто правда — это человек с паспортом, которого можно пригласить в кабинет. Правда сейчас состоит из трех испуганных свидетелей, поврежденной записи и события, которому ни один нормальный протокол не даст места. Если мы немедленно отдадим это наружу, наружу выйдет не правда. Выйдет шум.

— А если не отдадим?

— У меня будет время восстановить последовательность.

— Вы уже просили время. Потом человек исчез.

Руднев замолчал.

За дверью поблизости кто-то сказал: «Да нет, завтра перенесут», — и засмеялся. Обычная фраза, обычный смех, чужой вечер. Анастасия вдруг почувствовала резкое желание открыть эту дверь и сказать первому встречному человеку: внизу исчез охранник, не в переносном смысле, не уехал, не умер, а исчез в месте, которого не должно быть. Хотелось увидеть, как нормальное лицо попытается принять эти слова.

Но она не открыла.

Руднев видел это. Не мысль, конечно. Только задержку руки, взгляд на дверь, короткое движение плеча. Этого хватило.

— Вы и сами понимаете, — сказал он тише. — Сказать это нельзя.

— Можно.

— Тогда скажите.

Он отступил на полшага и показал на дверь.

Жест был почти вежливым. Почти.

Анастасия смотрела на его руку. На длинные пальцы, на аккуратный манжет, на едва заметную дрожь у большого пальца. Он не был уверен. Но он уже нашел способ сделать ее соучастницей собственной неуверенности: предложил ей первой выйти к нормальному миру с невозможной фразой.

Ланской стоял рядом, тоже смотрел на дверь. Телефон в кармане был уже не инструментом, а грузом. Он не сказал: «Я скажу». Не достал запись. Не пошел вперед. Просто стоял, и на его лице проходила та же работа, что у нее: представить чужие глаза, чужой скепсис, будущие вопросы, полицейский кабинет, монтажеров, экспертов, комментарии, хохот.

Руднев опустил руку.

— Вот именно.

— Это не согласие, — сказала Анастасия.

— Нет. Это начало понимания ситуации.

Она посмотрела на него. В этот момент он был ближе всего к победе. Не потому, что убедил. Потому что страх начал делать за него половину работы.

Они вышли в холл.

Почти все уже разошлись. На стенде еще лежали брошюры лекции; на глянцевой бумаге белели слова «архетип, поле или источник». Половина света была выключена, и стеклянные двери отражали холл глубже, чем он был на самом деле.

Руднев взял со стойки одну брошюру, сложил ее пополам и сунул во внутренний карман. Бумага плохо согнулась, угол торчал наружу. Он заметил, достал, сложил ровнее, убрал снова. У выхода задержался у служебной вешалки, снял пальто и накинул его на плечи. Рука на секунду не попала в рукав. Он поправил воротник, будто именно это требовало сейчас внимания.

У выхода Руднев сухо попросил номер: «Чтобы не искать вас через организаторов». Анастасия продиктовала его больше от усталости, чем от согласия. Ланской тут же отправил ей

пустое сообщение — сказал, чтобы «было куда писать, если запись не выдержит молчания». Это прозвучало почти шуткой, но никто не улыбнулся.

Они вышли на улицу.

Ночь была холоднее, чем до лекции. Асфальт темнел после дождя, в лужах дрожали фонари и вывеска университетского корпуса. Стекло отражало их троих небольшими, искривленными фигурами.

Руднев остановился под козырьком и застегнул пальто.

— Я разберусь, — сказал он. — Как только пойму, что произошло, сообщу вам обоим.

— Дюк исчез сейчас, — сказал Ланской.

— Именно поэтому не надо делать хуже.

Руднев посмотрел сначала на него, потом на Анастасию. Взгляд был уже не профессорский и не испуганный, а закрытый, служебный.

— Никаких публикаций. Никаких звонков. Никаких самостоятельных действий.

— Вы нас просто отпускаете? — спросила Анастасия.

— Я прошу вас не мешать.

Он не стал ждать ответа. Повернулся и ушел к парковке, оставив их под козырьком, рядом с мокрыми ступенями и стеклянной стеной, в которой университетский холл отражался темнее, чем был.

Они разошлись почти сразу. Без договоренности. Без решения. Каждый унес свою часть случившегося: Руднев — закрытую лабораторию, Ланской — запись, Анастасия — красную полосу на ладони и ощущение, что взрослого человека в этой истории так и не появилось.

Глава 6. Мир смотрит

Телефон лежал экраном вниз рядом с кроватью. Сумка — у ножки стула, раскрытая, с торчащим краем блокнота и связкой ключей. На спинке висел вчерашний жакет, просохший после ночного дождя, но все еще сохранявший у подкладки слабый запах улицы, университета и металлического лифта. Анастасия увидела эти вещи не сразу как свои. Первые несколько секунд они стояли в комнате отдельно, как предметы, принесенные кем-то другим и оставленные для опознания.

Потом память вернулась не мыслью, а очередью прикосновений: грубая ткань рукава Дюка под пальцами, холодный воздух лаборатории, мокрые ступени у бокового выхода, стеклянная стена, в которой Руднев отражался темнее, чем был. Она резко села, и комната качнулась вокруг нее обычными стенами: шкаф, занавеска, стопка книг на подоконнике, кружка с недопитой водой. Все было на месте. Именно это и показалось неправильным.

Перед пробуждением ей снилось, что она бежит по длинному коридору без дверей. Коридор не был больничным, подвальным или университетским; он не успел стать местом. Он только вытягивался вперед, все время обещая поворот и не давая его. За спиной приближалось что-то тяжелое, высокое, но шагов не было. Только давление, будто воздух сзади становился гуще и подталкивал ее между лопаток. Она пыталась оглянуться и не могла: шея во сне держалась чужой рукой. В конце коридора вдруг открылись глаза — большие, мокрые, слишком внимательные. Они не появлялись из лица. Просто заняли все пространство перед ней, как два окна, за которыми кто-то давно стоял вплотную.

Анастасия проснулась без крика. Хуже: тело еще несколько секунд продолжало бежать. Бедра были напряжены, пальцы вцепились в край простыни, под языком стоял сухой металлический привкус. Она разжала руки, посмотрела на ногти, на белые полосы от ткани на ладонях, и медленно выдохнула. Гипнагогический образ. Остаточная реакция. Тревога. Недосып. Острая стрессовая фиксация после события, которому не нашлось нормальной рамки. Слова вставали одно за другим, как аккуратные папки на полку. В каждую можно было положить часть ночи, кроме самой главной: человек исчез в комнате, а остальные вышли на улицу и разошлись почти сразу, без договоренности, будто после неудачного разговора.

Телефон завибрировал.

Анастасия не взяла его сразу. Сначала посмотрела на экран: номер, который ночью пришлось подписать «Руднев», два сообщения; ниже — Ланской, уже три новых. Она разблокировала телефон и открыла последнее.

«Я не спал. На кадре правда что-то есть. Я не выкладывал».

Следующее:

«Руднев мне писал. Просит не делать глупостей. Нормально, да?»

И еще одно, отправленное двадцать минут назад:

«Ты проснулась?»

Анастасия задержала взгляд на этом «ты» дольше, чем на самом вопросе. Ночью они стояли в одной лаборатории у пустого места, и этого оказалось достаточно, чтобы человек перескочил через расстояние, которое в обычной жизни держалось бы еще неделями. Просто протянул руку через трещину в речи и сделал вид, что так и было. Она представила, как он набирал это сообщение: быстро, большим пальцем, не решаясь написать что-то вроде «вы живы?», потому что это прозвучало бы слишком серьезно даже для него.

Она не ответила. Открыла сообщения от Руднева. Ночных было два. Утром пришло третье.

«Я занимаюсь восстановлением последовательности. Не предпринимайте ничего до моего сообщения. В. С.»

Анастасии вдруг показалось, что сейчас постучат в дверь.

Не позвонят, а именно постучат — костяшками, настойчиво, официально. Потом голос из коридора скажет: «Откройте, полиция», и она встанет посреди комнаты в мятой одежде, с красной полосой на ладони от рукава Дюка, с телефоном в руке, не виноватая ни в чем и уже не способная объяснить, почему это не имеет значения. Она села тише, как будто шум мысли мог донестись до лестничной площадки. Через стену прошла вода по трубам. Где-то выше стукнула дверца шкафа. Все это запоздало оказывалось обычным шумом многоквартирного дома.

Анастасия положила телефон рядом, встала и босиком прошла в ванную. Плитка была холодной, и холод помог. В зеркале лицо выглядело почти обычным: кожа чуть суше, чем вчера, под глазами тени, волосы сбились у висков, две косички-дреды после сна легли неровно, одна выше другой. Она включила воду и несколько секунд смотрела, как струя ударяет в раковину, разбивается, собирается в маленькую воронку у слива. Вода делала все, что должна была делать вода. Падала вниз. Не вбок, не внутрь стены, не в то место, где у комнаты вдруг появляется лишняя глубина.

Она умылась, почистила зубы, взяла полотенце, закрыла глаза и сразу услышала цепь. Не снаружи, не в трубах, не за стеной. Внутри закрытых век. Секунду-другую не могла заставить себя открыть глаза и проверить зеркало сразу после этого. Потом все равно проверила. Глаза были ее. Обычная утренняя физиология, обычное невыспавшееся лицо человека, который слишком поздно лег и слишком рано проснулся. Если бы она сегодня принимала пациента с таким рассказом, то спросила бы не «что это значит», а «что с вами произошло до этого». Дальше — сон, питание, давление, уровень тревоги, наличие поддержки, возможность безопасного разговора. В этом списке не было пункта «куда делся человек, которого потянуло в черно-багровую складку воздуха».

На кухне она открыла окно. Утро уже началось без нее. Машины шли по мокрой улице, дворник в оранжевом жилете двигал по асфальту широкую щетку, у соседнего подъезда женщина застегивала ребенку куртку, ребенок вертелся и пытался наступить в лужу. От этих вещей не становилось легче. Они не утешали. Они просто занимали свои места так уверенно, что рядом с ними вчерашняя лаборатория выглядела не невозможной, а неприличной. Как будто реальность стыдилась не события, а того, что его нечем прикрыть.

Ланской написал еще раз.

«Надо решить, что делать».

Анастасия выключила экран. Решать с Ланским что-либо значило уже стоять в его кадре, даже если камеры рядом не было. Она поставила чайник, потом передумала и выключила. Есть дома не хотелось. Сидеть дома — тоже. Сегодня у нее была запись на одиннадцать, потом перерыв, потом две консультации после обеда. Нужно отменить. Причина может быть любой: внешнее недомогание, семейные обстоятельства, технический сбой. Она долго набирала слова, посмотрела на фразу и добавила: «Извините». Потом стерла извинение. Потом снова написала. Отправила так — с извинением, потому что даже сейчас ей было неловко оставлять людей без объяснения. Люди понимали такие формулировки, потому что они бережно не раскрывали ничего настоящего. Формулировки. Анастасия на секунду задумалась и посмотрела на несуществующую далекую точку. Нет, если она останется в квартире, то весь день будет слушать, как холодильник вздрагивает в углу, как трубы отвечают соседям, как за окном кто-то закрывает дверцу машины. Каждая мелочь получит право быть знаком.

Она оделась медленнее, чем обычно. Каждое действие требовало отдельного разрешения. Деловую одежду с вечера видеть больше не хотелось: жакет, рубашка, брюки — все это принадлежало лаборатории, Рудневу, лестницам университета, чужой уверенности в том, что правильная ткань удерживает правильную форму жизни. Анастасия открыла нижний ящик комода и достала то, что обычно надевала дома или после зала, когда не нужно было никому соответствовать: короткий спортивный топ в полоску, старые джинсовые шорты с жестким краем,

плотные полосатые носки ручной вязки, которые смешно смотрелись с тяжелыми ботинками и поэтому нравились ей еще больше. Сверху она натянула длинную темную толстовку с широким капюшоном — теплую, почти грубую, закрывающую бедра и плечи так, будто под ней можно было спрятать не тело, а целое решение.

Погода не подходила к шортам. Люди вчера были в пальто, на улице держался сырой холод, окна дышали серым светом. Но Анастасия не собиралась гулять красиво. Ей нужно было вернуть себе ощущение, что тело принадлежит ей не только тогда, когда оно уместно. Носки легли на кожу мягко и плотно. Ботинки зашнуровывались долго; пальцы дрожали на шнурках, и это раздражало больше, чем хотелось признать. Кулон она надела последним. Кость легла на грудь холодной маленькой точкой. Не защита, не символ. Просто вещь, которую она сама выбрала когда-то до Руднева, до лаборатории, до черно-багровой глубины.

На улице воздух был светлый, почти холодный. После ночного дождя город выглядел вымытым не до чистоты, а до большей четкости: линии бордюров стали резче, листья на низких кустах темнее, стекла машин держали небо плоскими серыми пятнами. Люди шли быстрее, чем ей хотелось. Утро не оставляло места тому, кто еще не договорил с ночью. Оно тащило всех к своим делам: в метро, в офисы, в кофейни, к турникетам, к расписанию, к маленьким ежедневным обязанностям, которые спасали не смыслом, а повторяемостью.

Анастасия пошла к кофейне у метро, не самой любимой, но удобной. Там обычно было много людей и мало поводов задерживаться. Внутри пахло молотым зерном, мокрой шерстью, сладким сиропом и горячей бумагой стаканчиков. Очередь стояла криво: несколько человек у стойки, девушка с ноутбуком у окна, мужчина в пальто, говорящий в наушник слишком тихо, чтобы его разговор стал чужим, но достаточно напряженно, чтобы его напряжение заняло полкомнаты.

Бариста был новый или просто раньше не попадался ей в смену: молодой, узкоплечий, с выцветшими волосами под черной кепкой. Он принимал заказы быстро, не поднимая глаз до конца, только на секунду отмечая лицо клиента и сразу возвращаясь к экрану кассы.

— Большой американо, без сахара, — сказала Анастасия.

— На месте или с собой?

— С собой.

Он кивнул, нажал на экран, взял стакан. На руке у него был пластырь у основания большого пальца. Обычный телесный пластырь, чуть отклеившийся от воды. Анастасия смотрела на него, пока бариста писал имя на стакане.

— Настя, — сказала она, хотя он не спрашивал.

Он поднял глаза и улыбнулся.

Улыбка была неправильной не выражением, а отсутствием. Она появилась как обычная рабочая доброжелательность — короткая, усталая, предназначенная для клиента у стойки, — но не ушла, когда уже должна была исчезнуть. Губы оставались мягко растянутыми, и за ними не оказалось зубов, глаза смотрели прямо на Анастасию и не моргали. Не широко, не безумно, не как в кино про сумасшедших. Просто слишком ровно. Так смотрят не на человека, а на предмет, который наконец нашли в нужном ящике. В черной пустоте между губами шевельнулась слюна.

Анастасия моргнула. Перед ней стоял обычный молодой человек с чуть неровными передними зубами и пластырем на руке.

— Оплата картой? — спросил он.

Она приложила карту к терминалу. Аппарат пискнул слишком громко. За спиной кто-то переступил с ноги на ногу. Мужчина в пальто сказал в наушник: «Нет, до обеда точно не успеем». Девушка у окна засмеялась чему-то на экране. Никакой паузы в мире не произошло. Ничто не подтвердило увиденное и не взяло на себя часть ответственности.

Анастасия отошла к стойке выдачи. Сжала ремень сумки. Посмотрела на меню над кофемашиной: латте, капучино, фильтр, раф с лавандой, сезонный пряный сироп. Буквы держались ровно, цены не расползались, лампа над стойкой чуть гудела. Она медленно назвала про себя четыре предмета, которые видела: кофемашина, стаканы, зеленая наклейка на кассе, трещина на плитке возле мусорного ведра. Потом три звука: пар, шаги, ложечка в стакане. Две телесные опоры: ладонь на ремне, стопы в обуви. Один факт: она стоит в кофейне у метро, сегодня утро, вчера произошло событие, после которого возможны зрительные сбои.

— Настя!

Анастасия неожиданно вздрогнула.

Бариста поставил стакан на стойку. Она подошла, взяла кофе, и он снова улыбнулся — теперь шире, потому что произносил дежурное «холоше-е-ево дня-а-а». Он опять смотрел на нее не моргая, как на головоломку, в которой не хватало одной детали, но он никак не мог понять — какой. Между его зубами на мгновение показалось белое движение. Не пища, не пена, не свет. Маленькие плотные личинки извивались у десен, как будто искали место поглубже и не могли протиснуться. Они двигались будто насосы. Один выскользнул к нижней губе и исчез обратно.

Крышка стакана хрустнула у нее в пальцах.

— Осторожно, горячий, — сказал бариста.

Пластырь на руке отклеился еще сильнее, под ним виднелась красная полоска раздраженной кожи. Он уже смотрел не на нее, а на следующего клиента.

Когда первый шок прошел, Анастасия достала телефон и открыла камеру. Сделала это почти тайно, раздражаясь на себя за сходство с Ланским. Навела не на бариста, а на отражение в окне. Стойка двоилась вверх улицы, будто порождая дополнительное пространство: кофемашина, плитка, рука бариста, бумажные стаканы, серые прохожие за стеклом. Он повернулся к клиентке, улыбнулся. В отражении зубы были. Обычные.

Она опустила телефон.

В сообщениях висел Ланской. «Надо решить, что делать». Ниже — точка его последнего онлайн. Она набрала: «У меня было видение». Стерла. «Ты говорил, на записи слышна цепь?» Стерла и это. Потом открыла чат с Рудневым и написала: «Нужно поговорить». Несколько секунд смотрела на фразу. Она выглядела слишком бедно для того, что уже произошло, но всякая более точная формулировка начинала распадаться в руках. «Бариста без зубов» нельзя было отправить профессору. «Личинки во рту» нельзя было отправить никому.

Она не отправила.

Анастасия вышла на улицу, не сделав глотка. Кофе жег ладонь через картон, и это было хорошо. Боль от температуры была прямой, простой, без подтекста. У входа в метро она остановилась у урны и несколько секунд держала стакан над отверстием, не решаясь выбросить. Потом поставила его на металлический край. Кофе остался там, среди чужих стаканчиков и мятых чеков, маленькая невыпитая попытка нормальности.

Вниз по ступеням метро тянуло теплым железным воздухом. Запах был обычный: пыль, тормозные колодки, мокрая одежда, чьи-то духи, сухая резина эскалатора. В этом запахе было столько ежедневного, что на мгновение ей стало почти стыдно за свой страх. Метро не могло знать про лабораторию. Оно возило людей независимо от их ночей: сонных, злых, влюбленных, простуженных, опаздывающих, слишком громко говорящих, слишком тихо плачущих у стены. В нем всегда было место чужому горю, потому что оно никого не различало.

На платформе она встала ближе к колонне. Не у края. Поезд пришел через две минуты, выкатился из тоннеля с плотным нарастающим шумом, воздух толкнул людей в лица, кто-то рядом поправил шарф. Двери открылись. В вагоне было не переполнено, но сидячих мест не было. Анастасия вошла и осталась у дверей, держась за вертикальный поручень.

Состав дернулся и пошел. В тоннеле все сразу вытянулось в один размытый мазок: кабели, бетон, бегущие лампы, черные промежутки между ними. Отражение вагона дрожало поверх темноты. Лица пассажиров накладывались на пустой тоннель, как плохо совмещенные кадры: девушка с телефоном, мужчина с газетой, старик с букетом каких-то желтых цветов, которые смотрелись в утреннем метро почти вызывающе.

Анастасия заставила себя смотреть прямо в стекло. Не искать. Не проверять каждую тень боковым зрением. Глаз все равно соскальзывал: в черноту, потом на отражение, потом опять в черноту. В какой-то момент за ее плечом будто проявился силуэт высокого человека, стоящего слишком близко. Не лицо, не фигура целиком, только темное уплотнение там, где по отражению никого не должно было быть.

Она резко обернулась.

Никого.

Только пассажиры, поручни, рекламная наклейка на стекле, женщина с влажными волосами, которая поправляла шарф. Анастасия успела почувствовать неловкость собственного движения — маленькую социальную боль человека, который дернулся без причины на глазах у других. Анастасия снова перевела взгляд на стекло.

Все пассажиры стояли без голов.

Плечи, воротники, шеи, обрезанные там, где должно было начинаться лицо. Девушка с телефоном держалась за поручень. Мужчина с газетой встряхнул загибающиеся листы. Старик переминался с ноги на ногу. Тела продолжали свое маленькое вагонное равновесие, как будто головы всегда были лишней деталью, которую только что убрали для удобства.

Анастасию бросило в жар. Шея застыла, будто в нее вставили холодный металлический штифт, а глаза с почти болезненным усилием держались на надписи «не прислоняться», не позволяя себе скользнуть туда, где должен был начинаться срез. Только боковое зрение все равно ловило эти расфокусированные темные провалы — влажные, неровные, слишком близкие.

Один из темных провалов сделал шаг к Анастасии и приблизился к ее спине. Из раскрытого среза поднялся влажный звук. Попытка речи, застрявшая в мясе, которого не должно было быть видно. Он сделал еще один шаг к ней.

Анастасия инстинктивно сделала шаг и ударилась о стекло двери.

— Вы выходите? — спросил мужчина.

Перед ней стоял обычный мужчина в синей куртке. С головой. С усталым лицом, щетиной на подбородке и недовольством человека, которому перекрыли проход. За ее плечом открылись двери вагона. Станция шумела, люди выходили и входили, кто-то протиснулся мимо нее, задев сумкой.

— Вы выходите? — повторил мужчина.

— Да, — сказала Анастасия.

Она вышла на станцию, хотя это была не ее остановка. Двери закрылись за спиной. Поезд ушел, унося обычные головы, обычные сумки, обычную утреннюю тесноту. На платформе люди двигались вокруг нее, обтекая, как вода камень. Никто не смотрел так, как должен был смотреть, если бы только что видел то же самое. Никто не кричал. Никто не снимал на телефон. Мир не оставил свидетелей, кроме нее, и этим сделал увиденное почти непригодным для правды.

Она дошла до скамьи и села. Руки дрожали не заметно, а мелко, внутри кистей. Анастасия положила ладони на колени и прижала пальцы к ногам. Станция была облицована светлым камнем. На стене рекламировали курсы китайского и стоматологии с семейной скидкой. С белого плаката улыбалась женщина с такими ровными зубами, что Анастасия отвернулась слишком резко.

Она попыталась разложить увиденное по знакомым полкам. Острое стрессовое состояние. Дерезализация. Краткий зрительный сбой на фоне недосыпа и перегрузки. Мозг после

невозможного события ищет форму угрозы и находит ее там, где есть темнота, отражение, чужое лицо, резкий звук. Все это можно было произнести спокойным голосом и даже записать в карту наблюдения, если бы речь шла о другом человеке. Проблема была в том, что ни один термин не отменял простого факта: на несколько секунд вагон был полон тел, которым не хватало голов, и мир после этого продолжил ехать по расписанию.

Она пошла к переходу между станциями. Коридор был длинный, с низким потолком и рекламными щитами через равные промежутки. Свет от них делал лица прохожих плоскими. На щитах мелькали улыбки, руки, чистые халаты, пластиковые овощи, счастливые люди, не знающие, что их счастье напечатано на пленке и подсвечено изнутри.

Навстречу шел человек в капюшоне. Анастасия заметила его не сразу, а когда между ними осталось метров двадцать. Взгляд почему-то именно его выхватил из толпы и приклеился. Какая-то хламида под темной курткой, капюшон натянут низко, в руке пакет из супермаркета. Обычный человек, из тех, кто иногда попадает в метро, которого в переходе не хочется разглядывать. Он кашлянул, отвернувшись к стене. Потом пошел дальше.

Плечи у него были перекошены. Не сильно. Так может быть у человека с больной спиной, тяжелой сумкой, старой травмой. Но перекося не совпадал с шагом. Одна сторона тела будто чуть запаздывала за другой, как плохо прикрученная деталь. Анастасия замедлилась. Сердце ударило в горло, но она заставила себя не останавливаться. После кофе и метро она уже понемалу опасалась собственного взгляда: если начать проверять каждую неправильность, город превращался в ловушку без дверей.

Человек в капюшоне прошел мимо. От него пахло мокрой тканью, табаком и чем-то кислым. Он не посмотрел на нее. Кашлянул еще раз, глухо, почти внутрь себя. Пакет шуршал в руке. Анастасия прошла еще несколько шагов, потом все-таки обернулась. Человек резко остановился. Спиной к ней, чуть сторбившись, у рекламного щита с белозубой моделью. Пакет висел в руке. Голова была повернута не назад, а в сторону, к стене, будто он слушал, что происходит за плиткой.

Она не побежала. Бег был бы признанием, а признание требовало решить, что именно она признает: угрозу, галлюцинацию, собственный страх или чужой взгляд, прилипший к затылку. Поэтому она просто ускорила шаг, сохраняя видимость человека, который вспомнил о времени. Так ходят те, кто опаздывает, а не те, за кем кто-то идет. Эта разница вдруг стала важной, почти спасительной. Если снаружи движение еще можно было назвать обычным, значит, внутри тоже оставалась возможность не развалиться сразу.

Переход закончился лестницей. Наверху был вестибюль, турникеты, люди. На последних ступенях она обернулась еще раз. Человек в капюшоне исчез.

Теперь ей казалось, что все бросают на нее взгляды. Женщина у турникета задержала взгляд на ее голых коленях и слишком быстро отвернулась. Мужчина с рюкзаком окинул ее толстовку, ботинки, дреды, будто собирал признаки в неприятный список. У стеклянной двери подросток что-то сказал другу, и оба усмехнулись.

Она вдруг поняла, что хочет позвонить кому-нибудь просто так, без объяснений, чтобы на другом конце сказали обычное: «Да, слушаю». Не помогли, не поверили, не спасли — просто ответили. Она пролистала контакты до буквы «М», остановилась, закрыла список. Ни одно имя не выдерживало того, что ей нужно было сказать.

На улице день потерял глубину. Облака опустились ниже, стекла домов взяли на себя свинцовый цвет неба, и весь город сделался плоским, как снимок, который слишком долго проявляли в плохом растворе.

На секунду город открылся ей не улицами, а рукотворными ущельями. Дома стояли по обе стороны дороги высокими ровными стенами, окна темнели ячейками, люди текли между ними плотной теплой массой, и никто не замедлялся настолько, чтобы заметить в другом человеке беду раньше, чем она станет препятствием на пути. Если она сейчас упадет, поток не оста-

новится. Он разомкнется, обойдет, кто-то наклонится, кто-то достанет телефон, кто-то скажет: «Женщине плохо», — и в этих словах уже будет способ передать ее чужим рукам.

Мысль пришла не фразой, а картинкой: она лежит на мокрой плитке у входа в метро, сумка раскрыта, телефон в стороне, тело вывернуто в некрасивой, стыдной позе, прохожие обходят осторожно, с озабоченными лицами, не желая наступить в чужую беду. Кто-нибудь заметит дреды, татуировки, голые колени под длинной толстовкой и скажет почти шепотом, но так, чтобы услышали рядом: наркоманка. И люди потратят, возможно, последние драгоценные минуты не на ее спасение, а на свои версии происходящего. На право не брать эту ношу.

Анастасия вздрогнула от этой картинке сильнее, чем от бариста и безголовых пассажиров. То еще можно было попытаться объяснить: стресс, недосып, сбой восприятия, испуганный мозг, который достраивает угрозу из любой щели. А в этой картинке не было ничего невозможного. Только очень возможное одиночество.

И сразу, будто из этого одиночества, полезли вопросы. Сделала ли она там, в лаборатории, все, что могла? Правильно ли отступила, когда Руднев начал укладывать невозможное в аккуратные слова? Должна ли была взять ситуацию в свои руки, не ждать, не соглашаться, не позволять ему решать, что теперь считается реальностью? А сейчас — что? Пойти в полицию? Сказать: человек исчез в лаборатории, но тела нет, четкой записи нет, а профессор просит не делать глупостей? Почему она не пошла сразу? Почему дала Рудневу время? Почему вообще позволила ему стать единственным человеком, у которого будто бы есть право объяснять случившееся?

Ответ пришел неприятно ясно: она сама загнала себя в ловушку. Не в лабораторную, не в мистическую, не в ту черно-багровую глубину над столом, а в самую обычную человеческую зависимость — от того, кто говорит спокойнее, знает помещение, владеет ключами и просит подождать.

Анастасия стояла у входа в метро, почти съживившись в маленькую точку, мешая потоку. Кто-то задел ее плечом, пробормотал грубость и пошел дальше.

Она вспомнила, как долго собирала себя после той жизни, где за нее решали даже интонацию. Как заново училась занимать место, не сжиматься от чужого шага за спиной. Как вытаскивала себя из чужой власти почти по сантиметру: возвращала голос, одежду, жесты, право не объясняться. Как потом решила, что из этого можно сделать не только личное спасение, но и профессию — помогать тем, кто тоже ищет выход. Когда-то это казалось серьезным, почти несокрушимым. Теперь — смешным, жалкой потугой удержать кирпич пальцем перед обвалом здания.

Нет. Она же профессиональный психолог. Она знает, как работает испуг. Знает, как тело после удара ищет повторение удара в каждом звуке. Знает, что острое состояние проходит, если не кормить его новыми доказательствами. Пройдет и это. Нет безвыходных ситуаций.

Почти поверив в это, она достала телефон.

Руднев не отвечал.

Она все-таки отправила: «Мне нужно с вами поговорить. Сегодня».

Сообщение ушло сразу. Галочка появилась, потом вторая. Ответа не было.

Анастасия закрыла чат.

Ветер ударил в лицо мелкой влажной пылью. У входа в метро кто-то раздавал листовки. Бумажки быстро намокали и сворачивались в руках прохожих. На одной, прилипшей к мокрой плитке, она успела прочитать только обрывок: «открытый вход». Ниже было что-то про невероятное удовольствие от посещения. Слова расплозлись от воды, и от этого казались не рекламой, а чужой неудачной попыткой оставить ей указание. Она пошла пешком, не выбирая короткий путь.

Дневной город держался на своих обычных действиях: автобусы подходили к остановкам, курьеры лавировали между людьми, в витринах горел ровный белый свет, аптеки обе-

щали помощь, пекарни — тепло, салоны связи — возможность всегда оставаться на связи. Все работало. Все называло себя нормальным. Но после метро эта нормальность уже не закрывала происходящее, а только накладывалась сверху тонким слоем, как пленка на испорченную воду. Анастасия шла вдоль проспекта, и в каждом стекле мир повторялся с небольшой задержкой: ее плечо, прохожие, серое небо, зеленый крест аптеки, мокрые машины у бордюра. Отражения не вращались открыто. Они просто чуть не успевали за реальностью, и этого хватало.

Вдруг ей показалось, что на нее падает большая тень.

Она остановилась так резко, что женщина с сумкой едва не врезалась в нее. Анастасия подняла руку над головой и зажмурилась раньше, чем успела понять, от чего защищается. Никакого удара не было. Никакого предмета. Только мокрый воздух, шум машин, раздраженный вздох женщины с сумкой и собственная ладонь над лицом.

Она открыла глаза.

Над проспектом висели серые облака. Между домами тянулись провода. На противоположной стороне мигал зеленый крест аптеки. Никакой тени, никаких падающих предметов. Но тело еще помнило другое: быстрое приближение огромной плоскости, безразличное и уже решившее, что все под ней — материал. Анастасия стояла посреди тротуара, а поток шел дальше, нервно обтекая ее и не трогая, как заусенец в гладкой коже города. Никто не смотрел долго. Взгляды касались и соскальзывали: странная женщина, остановилась как вкопанная. Мир оставлял ей достаточно места, чтобы не задеть плечом, но не настолько, чтобы признать происходящее.

А если она уже принесла это с собой? Не в памяти, не в нервах, не в испуганном воображении, а глубже — как занозу, как заразу из того места, которое открылось над лабораторным столом и не закрылось до конца. Мысль прошла по телу холодной, липкой волной, оставляя после себя ощущение грязи, которую нельзя смыть водой.

И тогда страх перестал быть реакцией на отдельные видения. Он стал средой. Как сырость после дождя: вроде бы нигде не лежит, но все уже влажное. Он был в лужах, где привычное отражение города вдруг казалось чуть перекошенным. В стеклах, которые возвращали ей лицо с микроскопическим опозданием. В людях, которые могли идти рядом и не знать, что рядом с ними кто-то уже почти выпал из общего мира.

Телефон завибрировал.

Руднев.

«Сегодня невозможно. Я занят».

Следом второе:

«Фиксируйте все, что кажется существенным. Не обсуждайте с посторонними».

Она прочитала оба сообщения. Потом еще раз. «Фиксируйте». Слово было почти медицинским, почти научным, почти полезным. Руднев все еще пытался превратить происходящее в материал, который можно положить на стол, разметить, подписать, потом решить, что именно с ним делать. Анастасия вдруг отчетливо увидела его кабинет, стол, папки, сухую ладонь на мышке, лицо в свете монитора. Он не был занят чем-то важнее ее. Он был занят тем, чтобы не дать случившемуся получить имя раньше, чем он решит, какое имя безопасно.

Она набрала: «Вы понимаете, что это продолжается?»

Долго не отправляла. Потом стерла «Вы понимаете» и написала иначе:

«Это продолжается».

Отправила.

Ответа не было.

Анастасия смотрела на экран, пока он не потускнел и не стал черным. В темном стекле отразилось ее лицо, серое небо над плечом, люди за спиной. На мгновение показалось, что отражение смотрит не на нее, а сквозь нее — туда, где она сама уже не могла ничего разглядеть.

Она убрала погасший телефон в карман. Ждать вечера дома было невозможно. Ждать ответа Руднева — тоже.

Она развернулась к остановке, потом остановилась и посмотрела в другую сторону, туда, где за несколькими пересадками, коридорами и служебными дверями находилась лаборатория. Решение не пришло как мысль. Оно просто заняло место вместо страха, грубое и холодное, как ключ в ладони.

Телефон завибрировал.

Руднев.

«Не приходите в университет. Я сам свяжусь с вами завтра».

Она остановилась посреди тротуара. Люди обходили ее с раздраженным мастерством больших городов.

Анастасия набрала: «Нет. Сегодня».

Ответ пришел не сразу.

«Вы не в том состоянии, чтобы обсуждать это рационально».

Она почти увидела, как он пишет эту фразу: не торопясь, аккуратно выбирая слово, которое выгладит заботой, но ставит ее ниже разговора. Не в том состоянии. Не рационально. Не мешайте. Не делайте хуже.

Она стерла первый ответ. Второй тоже. Потом убрала телефон в карман и пошла дальше.

Университетский корпус появился за деревьями темной стеклянной плоскостью. В некоторых окнах горел свет. У входа курил мужчина в серой куртке, не Дюк, другой охранник или техник, с тонкой шеей и усталым лицом. Дверь за его спиной открывалась и закрывалась, выпуская теплый служебный воздух.

Анастасия остановилась на противоположной стороне улицы. Вчера они вышли отсюда вдвоем. Руднев застегнул пальто и сказал, что разберется. Ланской стоял рядом, держа телефон так, будто тот был не предметом, а вторым сердцем. Дюка уже не было.

Она посмотрела на стеклянную стену корпуса. В темном стекле отражалась улица, ее фигура, тонкая линия кулона на груди, две собранные косички у плеч. Отражение было почти правильным. Только за ее спиной, в глубине стекла, где должна была быть дорога, на мгновение открылось что-то темнее вечера: не проход, не дверь, не лицо. Просто взгляд без глаз, направленный точно на нее.

Анастасия шагнула к переходу, не дожидаясь, пока страх найдет для себя более удобное имя.

Глава 7. Человек в переходе

Переход через улицу был не подземным, а обычным — белые полосы на мокром асфальте, светофор, низкий металлический щелчок кнопки, который никто не нажимал, потому что город и так сам решал, когда людям можно идти. Анастасия остановилась у края тротуара вместе с несколькими студентами, женщиной с пакетом из аптеки и курьером, который держал телефон перед лицом, как компас. Машины шли плотно. Их фары тянули по дороге длинные белые разрезы, и в каждом таком разрезе на секунду вспыхивали лужи.

Университетский корпус стоял напротив. Вечером, после лекции, он казался частью большого публичного мира: свет, афиши, двери, люди, разговоры на лестнице. Сейчас та же стеклянная плоскость выглядела служебно и глухо. Внутри горели отдельные окна, и от этого здание не оживало, а только показывало, где еще кто-то задержался после общего ухода. Анастасия посмотрела на вход. Мужчина в серой куртке докурив, бросил окурок в урну и скрылся за дверью, не оглянувшись.

Светофор щелкнул. Люди пошли.

Она шагнула вместе со всеми, и это на секунду помогло: тело попало в общий ритм, пересекло мокрую дорогу, поднялось на противоположный тротуар, миновало низкие кусты у входа. У двери пахло холодным металлом, мокрой одеждой и чем-то пыльным, что всегда живет в университетах под свежей краской и официальными табличками. Анастасия взялась за ручку раньше, чем успела решить, что скажет.

Дверь открылась.

Холл встретил ее тихим рабочим днем. Не пустотой, а приглушенной занятостью: охранная стойка, журнал посещений, шуршание бумаги где-то за перегородкой. У стойки с программами теперь горел узкий экран объявлений. Слайды сменяли друг друга без участия человека: конференция, круглый стол, запись на семинар, благодарность партнерам. В одном углу экрана на секунду появилась афиша вчерашней лекции, уже отодвинутая вниз будущими событиями. «Сингулярность зла» исчезла через три секунды, уступив место мастер-классу по академическому письму.

За стойкой сидел охранник. Он поднял глаза от телефона не сразу.

— Вы куда?

Вопрос был обычный. Анастасия почти обрадовалась его обычности.

— К Виктору Сергеевичу Рудневу.

— Он вас ждет?

Она достала телефон. Черное стекло экрана поймало ее лицо и свет холла над плечом, потом зажглось перепиской. Сообщение Руднева было наверху: «Не приходите в университет». Ниже — «Вы не в том состоянии, чтобы обсуждать это рационально». Показывать такое человеку за стойкой было нельзя. Оно не доказывало право пройти. Оно доказывало только, что она пришла туда, куда ее прямо попросили не приходиться.

— Я напишу ему, — сказала она.

Охранник посмотрел на ее толстовку, на голые колени, на тяжелые ботинки и полосатые вязаные носки, которые выглядывали над краем обуви слишком ярко для служебного холла. Его взгляд не был злым. Он просто пытался определить, в какую ячейку ее положить: студентка, сотрудница, странная посетительница, человек с проблемой. Анастасия почувствовала это распределение почти физически и выпрямилась.

Она написала Рудневу: «Я внизу».

Ответ пришел не сразу. Она несколько раз открывала переписку, хотя знала, что ничего не изменится от того, как часто смотреть на неподвижный экран. В этом было что-то униженное. Мимо прошла женщина с папкой, взглянула на Анастасию, узнала или не узнала —

по лицу было невозможно понять — и быстро прошла к выходу. Дверь за ней мягко всосала уличный холод и закрылась.

Телефон завибрировал. На экране всплыло: «Стойте там».

Без обращения. Без попытки сделать фразу вежливой.

Анастасия повернула телефон к охраннику, не разблокируя его. Он увидел короткое уведомление, кивнул и протянул журнал.

— Фамилия, время.

Ручка была привязана к стойке коротким шнурком. На пластиковом корпусе осталась чужая жирная полоса от пальцев. Анастасия написала «Лужайкина А.», потом время. Цифры вышли неровными. Она зачеркнула последнюю и переписала аккуратнее, хотя это уже не имело значения.

Руднев поднялся через семь минут.

Пиджака на нем не было. Рукава рубашки были закатаны неровно: один выше локтя, другой ниже, манжета подогнута дважды и все равно торчала. Очки сидели чуть криво. На лице осталась та же собранность, но теперь она не украшала его, а держала, как повязка держит край раны, чтобы не разошлась.

Руднев остановился в нескольких шагах. Сначала посмотрел на нее, потом на охранника, потом снова на нее. Лицо у него было не сердитым. Злее: собранным для разговора, который он хотел закончить до того, как он начнется.

— Я просил вас не приходить.

— Я видела.

— Тогда зачем вы здесь?

Анастасия заметила, что охранник за стойкой притих. Экран с объявлениями сменил слайд, в холле стало чуть голубее.

— Потому что это продолжается, — сказала она.

Руднев быстро посмотрел на ее лицо, задержался на глазах, потом на секунду перевел взгляд ниже, к рукам. Она поняла, что он ищет признаки истерики, опьянения, паники, чего угодно, что позволило бы ему разговаривать не с ней, а с ее состоянием.

— Поговорим не здесь, — сказал он.

Это прозвучало не как приглашение. Скорее как попытка убрать ее из холла, где слова могли оказаться слишком слышными. Руднев развернулся к служебной двери, приложил карту. Замок щелкнул. Анастасия прошла за ним.

Коридор у лаборатории оказался тем самым, вчерашним, но уже без странного возбуждения перед демонстрацией. Белые стены, камеры под потолком, огнетушитель в нише, длинная полоса света на полу. Вчера это пространство постепенно вело к закрытому месту. Сегодня оно само было закрытым местом. Каждый шаг звучал отдельно и слишком ясно. Руднев шел впереди, не ускоряясь, но держал такую дистанцию, чтобы она не могла идти рядом.

— На пять минут, — сказал он.

— Вы всегда так обозначаете разговор, который не хотите вести?

— Я обозначаю время, которым располагаю.

Он отступил, пропуская ее внутрь.

Лаборатория изменилась не сильно, и именно это было заметнее всего. Слишком много осталось на своих местах: стол, мониторы, кабели, акустические панели, шкафы, стойки с оборудованием. Но порядок стал другим. Вчерашняя аккуратность была демонстрацией. Сегодняшняя — уборкой после того, как гости ушли, а хозяин обнаружил пятно на ковре и решил, что главное — не дать ему высохнуть на виду.

Каменное кольцо больше не лежало под крышкой. На центральном столе стоял темный бокс с защелками, рядом — два снятых кабеля, маркированные бирками. Прозрачной крышки с тонкой белой трещиной Анастасия не увидела. Один монитор показывал серое окно с жур-

налом событий; строки быстро уходили вверх, как если бы система продолжала говорить сама с собой и никто уже не пытался понять ее язык. На соседнем столе лежали несколько флеш-накопителей, распечатки, пачка перчаток, рулон черной изолянтной ленты и пустой стаканчик из-под кофе.

Руднев заметил, куда она смотрит.

— Я привожу помещение в контролируемое состояние.

— Так теперь называется уборка?

— Так называется минимизация повреждений.

— Каких?

Он подошел к монитору и нажал несколько клавиш. Окно с журналом свернулось. Вместо него появился рабочий стол с нейтральной заставкой университета: белый логотип на синем фоне, ровные линии, ничего лишнего.

— Вы пришли спорить о словах?

— Нет. Я пришла, потому что вы не ответили.

— Я не обязан отвечать на сообщения в режиме тревожного дежурства.

— Дело не в режиме.

Он снял очки, потер переносицу и сразу снова надел. Без салфетки, без прежней лекционной церемонии. Жест получился почти грубым.

— Анастасия, у вас был тяжелый день. У всех нас был тяжелый день.

— Вы хотите поставить это в один ряд?

— Я хочу не разбрасываться словами, которые нельзя будет забрать обратно.

— Дюк Андреевич исчез у вас в лаборатории.

— Я это помню.

— Хорошо. Тогда следующая часть: после этого я вижу вещи, которых не должно быть.

На лице Руднева появилась усталость. Не настоящая, а предьявленная: посмотрите, до чего меня доводят люди, которые не понимают тяжести обстоятельств.

— Анастасия, вы пережили тяжелое событие. Мы все его пережили.

— Дюк его переживает где?

Руднев моргнул. Слово попало неглубоко, но точно туда, где у него уже была ссадина.

— Я работаю над этим.

— Как?

— Сейчас не время.

— Для кого?

Руднев не ответил сразу. Он посмотрел не на нее, а на стол. Туда, где вчера воздух перестал быть пустым. Где на этом месте стояла крышка с зажимами. Анастасия почувствовала, как тело приготовилось к лишнему расстоянию там, где его не должно быть.

— Вы не должны были приходить сюда, — сказал Руднев тише. — Я написал это не из желания контролировать вас.

— А из чего?

— Из понимания рисков.

— Тогда назовите их.

Он сделал вдох.

— Риск неверных действий. Риск огласки. Риск того, что лаборатория будет закрыта раньше, чем я восстановлю параметры. Риск того, что любое ваше сообщение, любая ваша попытка искать помощь создаст вокруг случившегося шум, в котором невозможно будет отделить данные от паники.

— А человека от данных?

Руднев посмотрел на нее почти зло. Впервые за разговор что-то живое прорвалось сквозь гладкую поверхность.

— Не надо.

— Что именно?

— Не ставьте это так, будто вы одна помните, что исчез человек.

Тишина повисла не между ними, а во всей лаборатории. Монитор на боковом столе показывал нейтральную заставку университета, хотя минуту назад там был журнал событий. Под потолком включилась вентиляция, низко и ровно. Воздух пошел по комнате, двинул запах кофе, пластика, влажной ткани и чего-то металлического, почти стертая уборкой.

— Сегодня утром я видела человека без зубов, — сказала Анастасия. — Потом личинки во рту. В метро у людей не было голов. На улице мне показалось, что на меня падает что-то огромное. Я понимаю, как это звучит. Я понимаю про стресс, недосып, острое состояние, психику, которая достраивает угрозу. Можете не объяснять мне мою профессию.

— Тогда вы понимаете, почему я не могу принять ваши впечатления как факты.

— Я не прошу принять их как факты. Я прошу перестать использовать это как повод ничего мне не говорить.

— Я вам говорю то, что можно говорить сейчас.

— Кто решил?

— Я.

Он ответил слишком быстро. Сам понял это и тут же добавил:

— Потому что я отвечаю за установку, за доступы, за методику и за последствия.

— Дюк тоже был частью последствий?

Руднев снял очки. До этого они ему не мешали. Он держал их за дужку, не протирал, просто позволил руке занять себя предметом.

— Дюк Андреевич оказался в зоне воздействия из-за неправильной оценки риска.

— Вашей?

— Общей.

— Удобное слово.

— Точное.

— Нет. Точное слово было бы короче.

Очки в его руке чуть повернулись. Линза поймала белую лампу, и на секунду между ними вспыхнул маленький холодный прямоугольник света.

— Вы сейчас говорите из состояния вины, — сказал Руднев.

Анастасия даже не сразу разозлилась. Сначала тело стало очень спокойным, будто кто-то внутри поставил на место все рассыпавшиеся предметы.

— Осторожнее, — сказала она.

— Я не обвиняю вас. Я говорю как человек, который видит структуру реакции. Вы были рядом. Вы пытались удержать его. Не удержали. После этого психика ищет повторное событие, чтобы получить возможность переиграть. Это нормально.

Он говорил мягче, чем раньше. Именно это и было хуже. Не крик, не грубость, не открытая попытка задавить. Он положил ее страх на стол, придвинул к нему правильные термины и уже собирался подписать.

— Вы сейчас не меня описываете, — сказала Анастасия. — Вы строите коридор, по которому вам самому удобнее идти.

Руднев надел очки обратно. Стекла вернули ему лицо человека, которому есть чем заняться кроме чужого сопротивления.

— Я не могу вам помочь, пока вы приходите сюда с видениями и требуете признать их частью эксперимента.

— А если они часть эксперимента?

— Тогда тем более нужно фиксировать, а не действовать импульсивно.

— Я уже фиксирую. Вы не отвечаете.

— Потому что я работаю.

— Вы прибираете.

Слова вышли почти сами. В лаборатории будто застыл воздух.

Руднев не стал спрашивать, что она имеет в виду. Это ответило лучше любой фразы.

— В лаборатории проводится инвентаризация после нештатной ситуации, — сказал он.

— Нештатной.

— Да.

— Так теперь называется исчезновение человека?

— Так называется категория события до завершения внутреннего анализа.

Анастасия вдруг поняла, что шла сюда за человеком, который признает: это произошло не у нее в голове и не из-за нее. За тем, кто испугается нормально — не за свою должность, не за лабораторию, не за формулировки, а за Дюка и за дыру, которую сам открыл. Кто начнет звать людей, поднимать записи, ломать собственный порядок, потому что иначе нельзя. А Руднев стоял перед ней среди вытертых поверхностей, закрытых боксов и свернутых проводов, и она наконец увидела: он не собирается выходить вместе с ней к правде. Он собирается закрыть перед ней дверь и остаться с той стороны, где еще можно подобрать слова.

Он не собирался вытаскивать Дюка.

Он собирался сохранить лабораторию, должность, формулировку и себя внутри формулировки.

— Покажите все записи, — сказала она.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы не являетесь участником внутреннего анализа.

— Я была здесь.

— Это не дает вам доступа к материалам.

— Материалам?

Руднев чуть сжал губы. Понял слово поздно, когда оно уже прозвучало.

— К данным.

Он закрыл окно на мониторе, хотя оно и так было свернуто. Движение получилось лишним, почти детским: если закрыть еще раз, станет надежнее.

— Идите домой.

— Нет.

— Идите домой, Анастасия. Примите седативное, если у вас есть. Позвоните кому-нибудь, кому доверяете, но без деталей. Не оставайтесь одна, если состояние будет ухудшаться. Завтра я свяжусь с вами.

— Вы просили не обсуждать это с посторонними.

— Я просил не распространять информацию о лаборатории.

— А мое состояние уже можно распространять?

Руднев устал от нее. Это стало видно не по лицу, а по тому, как он перестал подбирать точные слова и позволил себе служебную сухость.

— Если вы сейчас не уйдете добровольно, мне придется попросить охрану вывести вас.

Фраза лязгнула и встала между ними ровной металлической перегородкой.

Анастасия кивнула. Не ему. Себе, чтобы тело начало двигаться.

— Хорошо.

Руднев явно ожидал возражения. Ее согласие на секунду сбilo его с подготовленной позиции. Он уже открыл рот, чтобы добавить что-то примиряющее, но Анастасия развернулась раньше, чем фраза успела получить форму.

Она шла обратно по коридору медленно. Не потому, что хотела выглядеть спокойной. Просто быстрее не получалось. Свет на полу дробился на прямоугольники. Камера под потолком смотрела вниз черным глазком.

— Анастасия.

Она не обернулась.

— Не встречайтесь с Ланским, — сказал Руднев. — Он опаснее, чем кажется.

Теперь она обернулась.

— Потому что может выложить запись?

— Потому что ему нужно, чтобы произошедшее что-нибудь значило.

Анастасия посмотрела на него. Хотела спросить: а вам — нет? Но этот укол уже ничего бы не изменил. Она оставила его себе.

— Завтра, — повторил Руднев. — Я свяжусь.

Она вошла в лифт.

В холле охранник поднял голову, потом быстро опустил. Экран с объявлениями показывал схему эвакуации при пожаре: зеленые стрелки, прямоугольники выходов, маленькие человечки, идущие к безопасности. Анастасия расписалась в журнале напротив своей фамилии. В графе «время выхода» цифры снова поплыли и задрожали, но она уже не исправляла.

На улице день стал ниже и серее. Облака опустились к крышам, стекла домов взяли на себя свинцовый цвет неба, и город сделался плоским, как снимок, который слишком долго проявляли в плохом растворе. Дождь больше не шел, но воздух оставался влажным, и все поверхности держали на себе тонкий холодный блеск.

Анастасия пошла к переходу под проспектом. Так было быстрее до метро и дальше до дома. Так, во всяком случае, говорила городская логика. Она спустилась по ступеням, держась за мокрый поручень не ладонью, а пальцами. Под землей пахло плиткой, пылью, старой водой и дешевым табаком. Лампы под потолком гудели слабо, но одинаково, как будто переход пытался вспомнить звук электричества и каждый раз брал одну и ту же ноту.

Обычно здесь было людно. Студенты шли к корпусам, сотрудники к остановкам, музыкант иногда играл у дальнего выхода, собирая монеты в раскрытый чехол. Сейчас переход был почти пуст. До противоположной лестницы было метров сорок. Плитка на стенах шла ровными прямоугольниками, часть была заменена на более светлую, и эти заплатки создавали ощущение, что переход когда-то чинили после удара, но не попали в тон. Где-то капала вода. Одинокий звук падал в металлическую решетку и возвращался чуть позже, будто снизу отвечали.

На середине перехода стоял человек.

Сначала она увидела пакет. Обычный пакет из супермаркета, немного смятый, с красной полосой логотипа. Потом — темную куртку, капюшон, сгорбленную шею. Потом плечи. Перекос был тот же, но теперь сильнее: левая сторона выше, правая будто тянула вниз все тело, и рукав с этой стороны висел тяжелее. Он стоял к ней боком, нарочито отвернувшись, как стоял утром в метро у рекламного щита. Потом он кашлянул. Сухо, в ладонь, без попытки прикрыться как следует. Пакет шуршал в руке.

Анастасия остановилась не сразу. Сначала тело продолжило идти, а мысль отстала, как человек, которого толкнули в спину. Потом шаг стал короче. Подошва ботинка скользнула по мокрому следу на плитке. Сердце ударило, но не сорвалось. Оно как будто стало тяжелее и ниже, ушло куда-то под ребра.

Анастасия почувствовала, как разум начинает работу слишком быстро, почти яростно: это может быть бездомный; человек с травмой; кто-то ждет; тебе показалось в метро; теперь ты достраиваешь знакомую фигуру.

Она пошла дальше.

Это решение не было смелостью. Скорее упрямством, слишком похожим на усталость. Она не хотела снова становиться человеком, которого ведут образы. Не хотела, чтобы Руд-

нев оказался прав удобным способом: нарушение восприятия, гипервнимание, достраивание угрозы. Она держала взгляд не на капюшоне, а на выходе из перехода. Там, наверху, были люди, машины, обычный город.

Человек в капюшоне кашлянул еще раз.

Расстояние сокращалось.

Запах появился раньше, чем лицо: мокрая ткань, табак, кислая человеческая усталость, металлическая влажность перехода. Анастасия прошла бы мимо, если бы он не сделал маленькое движение плечом. Не шагнул. Только повернул корпус на несколько градусов, и этого хватило, чтобы пространство между ними изменилось.

Она увидела его лицо.

Не монстра. Не искаженное существо. Обычное бледное лицо под капюшоном, с щетиной на подбородке, с воспаленными краями век, с трещиной на нижней губе. Страшным было не лицо, а то, как оно не участвовало в происходящем. Глаза смотрели чуть мимо, выше нее, к пустоте за ней, будто кто-то стоял там и отдавал беззвучные указания.

Пакет шуршал.

Рука вышла из пакета снизу. Быстро, неловко, без размаха. Черная пластиковая рукоятка, короткое широкое лезвие, грязная полоска у основания. Он не замахнулся, не крикнул, не сделал ничего, что дало бы ей время оформить нападение как нападение. Просто шагнул вплотную и ткнул вперед, будто нажал на кнопку.

Боль пришла не сразу.

Сначала был удар — тупой, почти обидный, в левый бок ниже ребер. Потом горячее раскрытие внутри, как если бы под кожу сунули раскаленную проволоку и резко повернули. Анастасия вдохнула, но воздух не прошел дальше горла. Ее рука сама легла на его запястье. Кожа под пальцами была холодной и мокрой. Он оказался слабее, чем она ожидала, или это она успела вцепиться слишком рано. Лезвие соскользнуло, дернулось, разрезая ткань толстовки и кожу дальше, шире, грязнее.

Он что-то прохрипел.

Слова не собрались. Вышло мокрое «нашли» или «пошли», а может, просто звук, похожий на слово потому, что Анастасия отчаянно хотела услышать в нападении смысл.

Теперь боль пришла полностью.

Она закричала. Крик вышел не красивым, не громким, а сорванным, с обидой, будто тело возмутилось раньше нее: так нельзя, это уже нельзя списать на страх, это уже слишком близко.

Человек в капюшоне посмотрел на кровь.

Она проступала между пальцами Анастасии темным, слишком густым пятном, быстро расплзалась по ткани. Он смотрел на нее не с испугом. На его лице появилось короткое облегчение, почти детское, как у человека, который выполнил непонятное поручение и теперь ждет, что его отпустят.

Это было хуже удара.

Из дальнего конца перехода донеслись шаги.

— Эй! — крикнул мужской голос. — Что там?

Нападавший повернул голову на звук. Его плечи дернулись, правая сторона тела поднялась выше, как у марионетки, которую потянули не за ту нитку. Он посмотрел на Анастасию еще раз. Никакой ненависти. Никакого торжества. Работа, выполненная неумело, но достаточно.

Потом он побежал к противоположному выходу.

Не быстро. Сбивчиво, хромая, будто сам не понимал, почему ноги несут его именно туда. Капюшон сполз на затылок, показал редкие темные волосы. На повороте он кашлянул, ударился плечом о стену и исчез за углом.

Люди начали появляться в переходе. Вокруг началась человеческая суета.

- Скорую! Вызывайте скорую!
- Девушка, слышите меня?
- Он туда побежал, туда!
- Нож был? Я видел нож?
- Не трогайте ее, стойте, не надо поднимать!

Голоса налезали друг на друга, но ни один не становился главным. Кто-то присел рядом, слишком близко. Анастасия увидела кроссовки с грязной подошвой, мокрый край пальто, чужую руку с телефоном. На экране уже были крупные цифры вызова. Женщина с сумкой плакала беззвучно, прижимая ткань к груди. Мужчина рядом снял шарф и попытался приложить его к ране.

— Не надо, — сказала Анастасия.

Она хотела сказать спокойно. Получилось с воздухом внутри слова.

— Надо прижать, — сказал мужчина. — Надо, я видел, надо...

Он не договорил, потому что сам испугался собственной уверенности. Шарф был темно-синий, с катышками, пах чужими духами и мокрой шерстью. Анастасия позволила прижать его к боку. Боль вспыхнула снова, резко, на секунду смыла переход, людей. Она согнулась, но не легла. Лечь означало слишком многое. Пол был грязный, мокрый, общий. Тело сопротивлялось этому как последней несправедливости.

— Как вас зовут? — спросил кто-то.

Вопрос был правильный. Очень правильный. Его задают, чтобы удержать человека здесь, в имени, в связной речи, в мире, где у каждого есть документы, контакты, история.

— Анастасия, — сказала она.

— Фамилия?

— Лужайкина.

— Анастасия, смотрите на меня. Не закрывайте глаза.

Она посмотрела.

Перед ней был молодой мужчина, похожий на студента. У него дрожала нижняя губа, хотя он пытался держаться уверенно. Глаза были карие, расширенные. Зубы обычные. Все зубы на месте. Эта деталь внезапно стала такой важной, что Анастасия почти сказала ему об этом, но вместо слов из горла вышел короткий, болезненный звук.

Кто-то говорил с диспетчером, слишком громко и четко: «ножевое, подземный переход у университетского корпуса, женщина, в сознании, кровь есть». Слово «женщина» почему-то резануло сильнее, чем «ножевое». Оно вернуло ей тело целиком: колени, ботинки, мокрую толстовку, дреды у плеч, кулон под тканью, бок, где ладонь уже не могла понять, удерживает она жизнь или только тепло.

Скорая приехала быстро, хотя потом ей казалось, что между первым криком и сиреной прошло несколько разных жизней. Люди расступились. Двое в форме спустились по лестнице, переход сразу стал процедурой: перчатки, вопросы, нож? куда побежал? давление, сознание, аллергии, документы, держите здесь, не убирайте руку. Анастасию уложили на носилки. Когда ее поднимали, лампы перехода поехали над лицом одна за другой, и каждая на мгновение становилась круглым белым глазом.

Дорога до больницы сжалась в несколько обрывков: ремень на носилках, холодная рука фельдшера у запястья, запах пластика, сирена где-то снаружи, серое окно машины, в котором город больше не отражался нормально. Она пыталась удержать цепочку событий, но цепочка рвалась на простые предметы: бок, кровь, нож, капюшон.

— Давление падает? — спросил кто-то.

— Держится. Больная в сознании.

Больная.

Слово легло на нее, как больничная простыня, еще до больницы. Она хотела возразить, но сил хватило только на то, чтобы повернуть голову. В маленьком темном окне скорой отражалось ее лицо — бледное, мокрое у висков. За отражением город тянулся полосами света. На секунду ей показалось, что лицо в стекле смотрит не на нее, а мимо, туда же, куда смотрел человек в капюшоне перед ударом.

Анастасия закрыла глаза не сразу.

Глава 8. Больничный коридор

Белый свет оказался не цветом, а поверхностью.

Он лежал на потолке, на стенах, на металлической спинке кровати, на прозрачной трубке капельницы, на ее собственной руке, где под пластырем входила тонкая пластиковая игла. Свет не грел и не давил. Он просто был везде, как стерильная версия дня, из которой вымыли улицу, дождь, переход, чужие лица и оставили только то, что можно обработать спиртом.

Анастасия открыла глаза не сразу. Сначала слышала.

Где-то за перегородкой кашляли. Не страшно, не мокро, не изнутри стены, а обыкновенно: человек не мог прочистить горло и сердился на собственные легкие. Потом по коридору прошли мягкие резиновые подошвы. Колеса каталки тихо ударили о стык линолеума. Женский голос сказал: «В шестую». Другой голос ответил коротко, устало. Все это было таким нормальным, что от нормальности хотелось отвернуться.

Она лежала на узкой больничной кровати. Слева висела бутылка с прозрачным раствором, от него тянулась трубка к ее руке. На правом боку под ребрами держалась широкая повязка, поверх нее край больничной простыни лежал слишком легким, почти издевательским весом. Любое движение отзывалось там не острой болью, а плотным горячим комком, который сначала предупреждал, потом вспыхивал, если она не слушала.

Анастасия попробовала вдохнуть глубже. Тело сразу выставило границу.

Она остановилась на половине вдоха.

— Не шевелитесь резко, — сказала медсестра.

Анастасия не заметила, как та подошла. Женщина стояла у изножья кровати, молодая или просто не успевшая состариться на смене, с собранными волосами и лицом, на котором вежливость уже стала частью формы. В руках у нее был планшет.

— Где я?

— Приемная. Вас переведут, когда врач посмотрит повторно.

Анастасия опустила взгляд на повязку.

— Насколько плохо?

Медсестра на секунду подняла глаза от планшета.

— Неглубоко, не задело внутренние. Вам повезло.

Повезло прозвучало как административное слово. Не ложь и не утешение. Просто отметка в нужной графе: могла умереть, не умерла.

— Мои вещи?

— В пакете. Не вставайте одна.

Медсестра ушла почти сразу. Разговор был настолько коротким, что не успел стать контактом. Анастасия смотрела на занавеску рядом с кроватью. Голубая ткань висела складками, снизу чуть не доставала до пола. На ней были мелкие повторяющиеся ромбы. Ромб, ромб, ромб, ромб. Если смотреть долго, узор начинал двигаться не потому, что двигался, а потому что глаз уставал удерживать одинаковость.

Пакет с вещами стоял на стуле у стены.

Прозрачный, с синей полосой наверху и белой наклейкой. На наклейке было написано: Лужайкина А. Женщина, ножевое. Отделение. Время. Несколько строк чужой рукой превратили ее в краткую версию события.

Она долго смотрела на пакет, прежде чем протянуть руку.

Трубка капельницы натянулась. Анастасия остановилась, подтянула к себе стойку на колесиках. Колесо скрипнуло так громко, будто весь больничный блок должен был обернуться. Никто не обернулся. За занавеской кашель повторился, потом стих.

Пакет был дальше, чем казалось. Ей пришлось сесть.

Боль поднялась от бока к груди, расправилась там горячей ладонью и начала медленно сжимать. Анастасия прикусила губу, переждала, потом опустила ноги на пол. Пол оказался холодным даже через вязаные носки. Их не сняли. Или сняли, а потом надели обратно. Нет, не надели бы. Значит, оставили. Полоски на носках сбились, один край сполз к щиколотке. Почему-то эта мелочь показалась ей почти неприлично личной: ее носки пережили переход, скорую, чужие руки, приемный покой и теперь стояли на больничном линолеуме так, будто все еще принадлежали дому.

Она подтянула пакет к себе.

Толстовка лежала сверху. Темная ткань была разрезана от края почти до плеча, один рукав вывернут, на боку засохла кровь. Вещь больше не была одеждой; она стала доказательством, которое кто-то сложил недостаточно аккуратно. Под толстовкой лежали джинсовые шорты. Анастасия не помнила, когда их сняли и кто сложил сюда. Край был жесткий, знакомый. Ниже — ботинки, ремень, телефон в отдельном маленьком пакете, кулон на шнурке, спутанный так, будто его сняли не как украшение, а как помеху.

Короткий спортивный топ остался на ней. Поверх него накинута больничная рубашка. Топ задрался под грудью, ткань натянулась, но его не разрезали. Видимо, рана была ниже и сбоку, под толстовкой; врачам хватило поднять, раздвинуть, заклеить, оставить. Эта случайная сохранность показалась странной. Будто одна вещь из прежней Анастасии проскочила через процедуру, пока остальные уже лежали под наклейкой.

Она взяла шорты.

Надеть их с капельницей оказалось почти унижительной задачей. Сначала нужно было подняться. Потом, держась одной рукой за спинку кровати, втянуть одну ногу, не задеть повязку, не дернуть трубку, не уронить стойку. Тело слушалось плохо, как чужой человек, которого попросили помочь и который делает ровно настолько, чтобы формально не отказать. Вторая нога застряла в ткани. Анастасия тихо выругалась, села обратно, подождала, пока боль перестанет быть сильной, и попробовала снова.

Когда шорты наконец оказались на месте, она почувствовала не облегчение, а злость. Слишком много сил ушло на право не лежать в больничной рубашке так, как ее оставили. Слишком много чужих рук уже решило, что с ее телом нужно делать: прижать шарф, положить на носилки, разрезать толстовку, повернуть, заклеить, подключить, записать. Все правильно. Все необходимо. От этого не становилось легче.

Кулон она надела последним.

Шнурок не хотел расправляться. Пальцы дрожали, левая рука плохо слушалась из-за катетера. В какой-то момент она поднесла шнурок к зубам, потянула узел, почти рассмеялась от нелепости и не рассмеялась. Кость легла на грудь маленькой холодной точкой. Не защита, не знак. Просто вещь, которую не выбрали за нее.

Телефон лежал в пакете выключенным. Она достала его, посмотрела на черный экран, положила на тумбочку. Включать не хотелось. Там были бы пропущенные, вопросы, возможно, полиция, возможно, Руднев, возможно, Ланской. Или никого. Оба варианта были одинаково плохи.

Она легла обратно не сразу. Сначала сидела на краю кровати, придерживая бок, смотрела в щель между занавеской и стеной. В щели был виден коридор: линолеум с сероватым блеском, нижняя часть двери, колесо каталки, ноги медсестры в светлых кроссовках. Коридор не был пустым. Именно поэтому в нем не должно было быть страшно.

За занавеской кто-то тихо говорил по телефону.

Анастасия закрыла глаза.

Она пыталась собрать последовательность, как собирают разбитую чашку, заранее понимая, что пить из нее нельзя. Лекция. Белый экран. Руднев у кафедры. Ланской, поворачивающий телефон. Лаборатория. Стол. Воздух, который перестал быть пустым. Дюк Андре-

евич, поставивший себя между ними и неправильной глубиной. Рука, которую она не смогла удержать. Профессор, говорящий слишком разумно в комнате, где исчез человек. Кофейня. Зубы бариста. Метро. Стекло. Переход. Фигура у стены, перекошенные плечи, кашель. Блеск ножа там, где должен был быть только рукав.

Цепочка не держалась. Между звеньями было слишком много темного места. Каждое объяснение становилось похожим на бумажную салфетку под стаканом: сначала ровное, потом расплывшееся от воды.

Она открыла глаза.

Лампа. Стойка. Занавеска. Стул с разрезанной толстовкой. На стене рядом с дверью висел дозатор с антисептиком, под ним маленькая капля застыла на белом пластике. В коридоре прошли быстрые шаги, остановились, удалились. Тележка снова стукнула колесом на стыке линолеума.

Потом за дверью кто-то кашлянул.

Анастасия не сразу повернула голову. Кашель был обычный: сухой, короткий, больничный. Таких звуков здесь хватало. Но в нем было знакомое усилие, будто человек кашлял не горлом, а всем перекошенным корпусом, пытаясь вытолкнуть из себя что-то слишком крупное.

Дверь палаты была приоткрыта. За ней горел коридорный свет. На полу лежала длинная желтая полоса от ламп, ровная, как измерительная лента. В этой полосе сначала появилась тень, потом носок грязного ботинка.

Анастасия повернулась и положила палец на кнопку вызова.

Человек стоял у двери боком, почти как в переходе. Капюшон был надвинут на лицо, плечи уходили в разные стороны: одно выше, другое как будто провалено внутрь. Он держался за косяк, и пальцы на его руке были слишком напряжены, белели на сгибах. В больничном свете его одежда выглядела не черной, а мокро-серой. На рукаве темнело пятно.

Он снова кашлянул.

Кнопка в руке Анастасии щелкнула под большим пальцем. Где-то должен был загореться сигнал, кто-то должен был поднять голову, сестра должна была увидеть номер палаты. Ничего не изменилось. Тележка за стеной больше не стучала. Женщина за занавеской не говорила по телефону. Палата вдруг стала слишком большой для одного больничного света и слишком пустой для места, где за стеной дышат люди.

— Помогите, — сказала Анастасия.

Голос вышел хриплым и остался рядом с ее лицом. Не ушел в коридор, не ударился о стены, не позвал никого. Просто прозвучал и упал на простыню.

Человек у двери поднял голову. Под капюшоном было лицо из перехода, но хуже: те же черты, только смещенные внутренним усилием, как маска, которую натянули на влажную глину и не дали ей застыть ровно. Глаза смотрели сквозь нее, не разбирая черт, будто лицо было только дверью, а нужно было то, что дрожит за ней. Во второй руке он держал нож.

Лезвие стало длиннее и грязнее, к нему как будто наспех припаяли несколько рыболовных крючков. Они торчали сбоку, нелепые, страшные именно своей неумелостью: не оружие мастера, а поделка человека, который хотел, чтобы боль цеплялась и не отпускала.

Анастасия дернула трубку капельницы. Стойка звякнула. Игла не вышла, только пластырь болезненно потянул кожу. Она отбросила одеяло, попыталась сесть. Бок ударил болью так, что в глазах на секунду появились белые точки. Человек сделал шаг в палату.

— Помогите! — крикнула она громче.

Голос снова не ушел дальше кровати.

Она сползла с матраса, задела коленом тумбочку, схватилась за стойку капельницы, чтобы не упасть. Бутылка на стойке качнулась, прозрачная камера быстро наполнилась и снова начала капать. Человек шел медленно, но расстояние между ними сокращалось слишком быстро. Лезвие висело у его бедра, крючки слегка дрожали при каждом шаге.

Анастасия рванула трубку еще раз. Пластырь частично оторвался, кожа вспыхнула болью, на запястье выступила кровь, но рука освободилась от стойки. Она не побежала к двери сразу — сначала оттолкнулась от тумбочки, обошла край кровати, почти ударилась плечом о стену и бросилась в оставленный им проход. Человек дернулся за ней слишком поздно. Его пальцы зацепили больничную рубашку. Анастасия рванулась вперед всем телом. Ткань сорвало с плеч, рукава вывернуло, один треснул по шву. Рубашка осталась у него в руке пустой оболочкой. Анастасия вылетела в коридор, удерживаясь ладонью за стену.

Коридор уходил в даль. Линолеум с серыми вкраплениями. Белые двери палат. Синий указатель к лифту. Деревянные поручни вдоль стен. Пост медсестры в конце, за стеклом, где должна была сидеть женщина в халате. На стойке горела маленькая настольная лампа. Рядом лежала открытая папка. Стул был отодвинут, как будто человек только что встал и вышел на минуту.

Анастасия побежала к посту.

Бежать после ранения оказалось не движением, а серией ударов. Каждый шаг отдавался под повязкой; ткань топа прилипла к коже; шорты неловко тянулись на бедрах; вязаные носки скользили по линолеуму хуже, чем босые ноги. Она хваталась за поручень на стене, отталкивалась, почти падала, выправлялась. За спиной снова раздался кашель. Потом шаги.

— Кто-нибудь! — крикнула она.

На одной из дверей висела табличка «Процедурная». За матовым стеклом было темно. Дальше — палата с приоткрытой дверью. Внутри пустая кровать, аккуратно сложенное одеяло, лампа над изголовьем. Следующая дверь была закрыта. Следующая тоже. Ни голосов, ни аппаратов, ни чужого кашля. Коридор, который минуту назад был наполнен больничной жизнью, теперь держал только ее дыхание и шаги человека с ножом.

Пост медсестры не приближался.

Сначала это можно было объяснить болью. Она двигалась медленно, почти не бежала, тело подводило. Потом Анастасия увидела справа ту же самую табличку «Процедурная». На стекле — та же темная полоса, на ручке — тот же кусочек белого пластыря, будто кто-то однажды заклеил трещину и забыл снять. Она уже проходила мимо этой двери.

Она остановилась на долю секунды. Остановившись было нельзя. За спиной шаги стали ближе. Она снова побежала.

Пост медсестры оставался впереди. Настольная лампа горела за стеклом маленьким желтым прямоугольником. Открытая папка лежала на стойке. Стул был отодвинут. Все это было так близко, что можно было различить металлическую дужку на папке, и так далеко, что расстояние между ними не уменьшалось. Лампы над головой проходили одна за другой. Пятнадцать. Двадцать. Тридцать. Коридор не кончался. Он вытягивался вперед без резкого искажения, без треска стен, без театрального превращения. Просто каждая новая секция оказывалась такой же, как предыдущая, и следующая уже ждала за ней.

Человек шел за ней. Не бежал. Его шаги были тяжелыми, неровными; одно плечо каждый раз дергалось, и нож с крючками стучал по бедру глухим металлическим звуком. Кашель догонял ее быстрее шагов. Он появлялся рядом с ухом, хотя человек был далеко. В этом кашле было мокрое терпение, как будто его не волновало расстояние.

Анастасия сорвала со стены огнетушитель. Точнее, попыталась. Красный баллон дернулся, но крепление не поддалось. Она дернула еще раз, ногти скользнули по металлу, один ноготь больно заломился. За спиной шаркнули подошвы. Она оставила огнетушитель и снова побежала.

Коридор начал меняться только теперь.

Лампы не погасли, не покраснели, не замигали. Они просто стали длиннее. Свет от каждой растягивался по потолку, как белая резина, и не успевал закончиться до следующей лампы. Швы линолеума тоже вытянулись, превратились в тонкие серые линии, уходящие вперед слиш-

ком ровно. Дверные ручки на обеих сторонах коридора оказались на разной высоте: одни почти у пола, другие на уровне плеча. Анастасия заметила это краем глаза и тут же заставила себя смотреть только вперед. Пост медсестры. Лампа. Папка. Стул. Если добежать, там будет человек. Должен быть.

Она ударилась бедром о каталку, которой раньше не было. Каталка стояла поперек коридора, накрытая белой простыней. Под простыней что-то лежало ровно и длинно. Анастасия обошла ее, цепляясь пальцами за металлическую дугу. Простыня шевельнулась от ее движения, но не упала. Из-под края показалась не рука, а больничная бирка на тонком шнурке. На бирке было напечатано ее имя.

Она вскрикнула и оттолкнула каталку. Та покатила назад, прямо к человеку с ножом. Он не отступил. Каталка остановилась перед ним сама, будто уперлась в невидимый порог. Человек положил ладонь на белую простыню и медленно сжал ткань. Простыня пошла складками вокруг его пальцев.

Крик оборвался где-то в груди. Воздуха хватало только на короткие вдохи. Боль в боку стала шире, теплее; под повязкой что-то намокло. Кулон бился о грудь при каждом шаге. Носки скользили. Один начал сползать с пятки, смешно и отвратительно, как будто тело выбрало именно сейчас заняться мелкой бытовой поломкой.

Пост медсестры все еще был впереди — желтый прямоугольник света, папка, пустой стул. Он не приближался. Зато справа из стены выступили двойные двери с табличкой «Выход», такие обычные, что она почти поверила им. Анастасия ударила в них плечом.

За дверями был тот же коридор.

Тот же пост медсестры впереди. Та же лампа. Та же открытая папка. Тот же отодвинутый стул.

Анастасия не остановилась. Что-то тонкое и унижительное поднялось в горле, почти плач, но она сжала рот и побежала еще быстрее, уже не разбирая, куда ставит ноги. Пост должен был стать ближе. Лампа должна была увеличиться. Стекло должно было принять ее ладони, треснуть от удара, выпустить к живому человеку, к голосу, к рукам, которые знают, как останавливать кровь, а не как держать добычу.

Она бежала на этот желтый прямоугольник света, и коридор вытягивался вместе с ней. Двери по бокам начали проходить слишком часто, ручки дергались на разной высоте, синий указатель к лифту появлялся снова и снова, каждый раз чуть дальше, чем должен был. Носок сполз еще сильнее. Голая пятка ударяла по холодному линолеуму, второй носок скользил, повязка под боком намокала, кулон бился о грудь. Она уже почти не видела человека с ножом, но кашель догонял ее сбоку, сверху, из-за плеча, как будто коридор сам научился кашлять его горлом.

— Нет, — сказала она, и это вышло не словом, а выдохом. — Нет, нет, нет!

Она рванула вперед так резко, что боль на секунду исчезла. Остался только пост медсестры, лампа, папка, стул. Еще десять шагов. Еще пять. Еще один. Она вытянула руки перед собой, готовая удариться в стекло всем телом.

В этот момент коридор дернулся.

Первые руки схватили ее за запястья.

Человеческие руки: мокрые до локтей, сильные, с грязью под ногтями, с грубой кожей на пальцах. Одна вцепилась в кисть с больничным браслетом, другая — выше локтя, прямо по месту, где недавно была трубка. Боль прошла руку до плеча.

Анастасия рванулась. Пальцы нашли край поручня, но он уже не был поручнем. Каменная кромка резала кожу. Еще одна рука схватила ее за бок, задела повязку, и боль стала такой яркой, что на мгновение исчез коридор, человек с ножом, лампы, пост медсестры. Осталось только это прикосновение к раненому месту и ее собственный хрип.

Другая рука ухватила шорты за пояс. Еще одна — кулон; шнурок натянулся на шее, тонко впился в кожу. Анастасия обеими руками вцепилась в каменный край. Под ногтями заскрежетала мокрая поверхность. Она попыталась подтянуться, удержаться, остаться хотя бы половиной тела там, где была палата, лампа, кнопка вызова, разрезанная толстовка на стуле.

Человек с ножом стоял в коридоре и смотрел. Он больше не двигался. Нож был поднят, но рука зависла, будто его дело уже закончилось. Крючки на лезвии дрожали от его дыхания.

Руки тянули Анастасию вверх и во все стороны одновременно. Пол поменялся местами с потолком, все закружилось разноцветными пятнами. Ее протаскивали через невозможное состояние, как тяжелую вещь через узкий проем, не заботясь, где у нее больное место, где кожа, где страх, где достоинство.

Она закричала.

На этот раз голос ушел дальше. Но не в больничный коридор. Он попал в пространство, где звуки были мокрыми, низкими и чужими, и там его сразу подхватили другие голоса: короткие команды, тяжелое дыхание, чей-то раздраженный шепот. Белая лампа над головой вытянулась в нитку, истончилась, стала похожа на царапину на темном стекле и погасла.

Камень ударил ее в щеку.

Сначала был холод. Потом запах: сырость, старая кровь, мокрая ткань, металл, который слишком долго держали в воде. Кто-то навалился ей на плечи, прижимая к полу. Пальцы все еще держали ее запястья. Под ладонью вместо линолеума был грубый камень с тонкими желобками, полными темной влаги. Рядом прошли ноги — ремни, тяжелая ткань, край грязного подола, металлическое кольцо у сапога.

Анастасия попыталась вдохнуть и закашлялась. Боль в боку откликнулась сразу, но теперь она была только частью общего веса, который лежал на теле сверху и вокруг.

Руки держали ее за плечи и запястья. Их было больше, чем нужно: одни пальцы впивались в кожу через ткань, другие сжимали предплечье, третьи удерживали голову, не давая подняться. Они не торопились. Так держат вещь, которую уже внесли в помещение, но она еще дергается и мешает поставить себя на место.

Анастасия попробовала вывернуть руку. Человек выдохнул сквозь зубы, перехватил выше локтя и прижал ее к камню с усталым раздражением, будто она в третий раз за утро отказалась просунуть ногу в штанину. Не ударил и не сказал ничего. Просто сделал ее тело удобнее для тех, кто держал.

— Держи, — сказал кто-то рядом.

— Та самая?

— Тише.

Слово было не мягким и не злым. В нем уже начиналась злость, но ее еще держали за горло.

Ее перевернули на бок. Она увидела за спинами людей черную поверхность. Не воду, хотя она двигалась. Плотную, темную, с багровым отблеском внутри, как если бы под кожей огромного существа медленно проходил свет. Вокруг сидели люди. Согнутые спины, худые шеи, мокрые до локтей руки, лица, повернутые к черной поверхности. Некоторые сидели так неподвижно, что походили на оставленные у работы тела; работа продолжалась, но люди были в другом месте. Один шевелил губами беззвучно. Другой держал ладони над темной кожей, не опуская их внутрь. У третьего под веками быстро ходили глаза. Один смотрел прямо на Анастасию и не моргал.

Один из сидящих у черной поверхности поднял мокрые руки и зло встряхнул пальцами.

— Ловцы сегодня слышат, — сказал кто-то за ее спиной.

— Слышат, да не держат, — ответил другой. — Вся в страхе, а дергается как живая.

Она хотела спросить, где она. Хотела сказать, что ее нужно вернуть. Хотела произнести хоть что-то, что снова сделало бы ее человеком, а не телом на мокром камне.

Множество рук, будто передавая друг дружке тяжелый мешок, поставило Анастасию на ноги и ее сразу повели прочь. Она не успела рассмотреть небо. Оно было где-то над площадкой — мутное, тяжелое, фиолетовое, чужое, зажатое между черными стенами и нависающим чем-то огромным, но взгляд не успел подняться. Его все время сбивали вниз: на камень, ремни, сапоги, мокрые руки.

Иногда мельком удавалось рассмотреть лица поближе. Серые, неправильные, как на старых изображениях ада, где человек еще узнается, но уже не просит пощады. Одно улыбалось так, как улыбаются не от радости, а от запаха еды после долгого поста.

— Та?

— Та, та!

Улыбка исчезла. На мгновение это лицо посмотрело куда-то за Анастасию, и в этом взгляде было достаточно злости, чтобы ударить кого-то головой о камень. Но никто не ударил. Лицо отвернулось. Кто-то сжал ее локоть сильнее.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.